

Лана
Катинская

НЕ ПРИНЦ,
НО СОЙДЕШЬ

Лана Каминская

Не принц, но сойдёшь

«Литнет»

2017

Каминская Л.

Не принц, но сойдёшь / Л. Каминская — «Литнет», 2017

Какая девушка не мечтает о принце? Арлина де Врисс исключением не была: нос задирала кверху, перебирала шелка и вдобавок к роскошному обручальному кольцу готовилась примерить титул принцессы. И всё бы хорошо, и пир горой, если бы не сон, грозящий обернуться страшной реальностью. Что делать? Поверить гадалке и отказаться от любимого? Или поискать выход? Ведь судачат люди, что тот, кто живёт в замке высоко в Смоляных горах, и не человек вовсе, а колдун, вдобавок ещё и темный. Вдруг поможет?■# Книга вышла в бумаге в издательстве Rugram

© Каминская Л., 2017

© Литнет, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Кольцо с подвохом	6
Глава 2. Переполох на площади	12
Глава 3. Защищайтесь, милорд!	18
Глава 4. Под покровом ночи	25
Глава 5. Что сказала невеста?	33
Глава 6. Сто дней	39
Глава 7. Волчья тропа	47
Глава 8. Честь или кошелёк?	54
Глава 9. Ледяная башня	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пролог

Чёрное, белое, чёрное, белое... Сменяется каждую секунду.

Чёрное, белое, чёрное, белое... Вспыхивает перед глазами и гаснет, чтобы через мгновение появиться вновь.

Чёрное, белое, чёрное, белое... Мелькает и раздражает, пугает и сковывает движения. Руки отнимаются, ноги не могут сделать и шага, во рту сухо, а губы не в состоянии разомкнуться, чтобы выдать хотя бы писк.

Он падает.

Она видит, как его засасывает мгла, как из темноты к нему тянутся костлявые руки, хватают за шею и тащат вниз. Он еле дышит, и каждый новый вдох даётся ему с трудом. Она это знает, но помочь не может.

Чёрное, белое, чёрное, белое... В шахматном порядке и не переставая.

Справа и слева бьют часы. Она насчитывает тринадцать ударов - ровно столько, сколько нужно, чтобы объявить о смерти.

И запахи вокруг: сырой земли, перемешанной с гнилью и затхлой травой; низкого неба, плачущего холодным дождём; разгневанного океана, выбрасывающего на берег тонны мёртвой рыбы; и древесины, подпалённой с обеих концов и медленно тлеющей.

Он падает, а она делает последнее усилие и начинает шевелить губами, еле слышно читая ещё в детстве заученный стих. Призывная молитва на миг придаёт ему жизни, и он открывает глаза, чтобы через секунду закрыть их навсегда, сорвавшись в пропасть.

Она пронзительно кричит, царапает свои руки в кровь и... просыпается.

Глава 1. Кольцо с подвохом

Осень в этом году в Озёрном крае выдалась ранняя. Размазывая по земле, словно по холсту, яркие краски, она время от времени spryskivala и без того совершенное полотно прохладной дождевой водицей, а после вновь приступала к широким щедрым мазкам. Песочная охра гармонично ложилась рядом с вычурным багрянцем, жареное оранжевое солнце - с утомлённой за летнее время зеленью, а роскошное золото - с размытым чернозёмом. Всё в Озёрном крае дышало осенью. Всё наслаждалось последними тёплыми днями и звуками жизни, которые, пройдёт месяц, исчезнут в череде затяжных ливней, сменяемых нарастающим снежным покровом.

...Бац!

Назойливая, наевшаяся и от того ленивая муха перестала жужжать и ползать по сочному, местами переспелому, винограду и упала кверху лапками на шершавую поверхность деревянного стола.

Короткие пухлые пальцы брезгливо смахнули мёртвое насекомое на пол, подцепили крупную тёмно-малиновую виноградину и отправили её в рот. Прихватив ещё парочку ягод, пальцы вновь поднесли их к обрамлённым жёсткой рыжей щетиной губам, а те, в свою очередь, разомкнулись, но вовсе не для того, чтобы впиться зубами в сладкую мякоть, а чтобы коротко и сухо бросить:

- Не пьался в окно - не для тебя зрелище. Пиши далее.

Лохматый конопатый мальчишка, служивший младшим писарем при королевском казначее и отмечавшийся особым усердием и прилежанием, обмакнул увесистое фиолетовое перо в чернила и, высунув язык, приготовился начертать ещё дюжину изящных загогулин.

- Угощения, - монотонно затянул казначей. - С новой строки. Подано будет в жареном виде сто куропаток, сто перепелов, пятьдесят свиней, двести золотистых карпов; в варёном - двадцать бочек толстолапых раков. Начертал?

Казначей подошёл к мальчонке и заглянул тому через плечо. Роста мужчина был невысокого; в короткой остроконечной бороде играло солнце, а в круглом животе бурлило пиво. Оценив написанное, казначей одобрительно кивнул и причмокнул губами: то ли виноград был вкусным, то ли почерк помощника - ровным.

- С новой строки. Закуски: тыквы пареные и засахаренные, огурцы малосольные, помидоры рассольные, грибы круглые, грибы вытянутые, картофель печёный, чечевица рассыпчатая... Готово?

- Готово, - довольно цокал языком мальчишка, любуясь красотой, сложенной из букв в расходной книге.

- Теперича пиво хмельное. Сто бочек закупоренных...

- А в подвалы загрузили девяносто.

Казначей недовольно цыкнул и пригрозил лохматому писарю пальцем.

- Вина игристого, вина красного и белого, наливки ягодной по двести бочек каждого...

Черту внизу подведи. Сделал?

- Сделал, - помня о пальце, отозвался мальчишка.

- Итого расход: тридцать пять больших монет золотом.

- Вы же за всё отдали тридцать! - честно перебил наставника юнец, за что тут же получил подзатыльник.

- Мал ещё спорить.

- Точно, - не теряясь, ответил писарь, потирая шишку. - Бороду ещё не брею, но счёту обучен. Да понял я, понял.

Мальчонка уклонился от ладони казначея, которая устремилась к нему во второй раз с ещё более грозным подзатыльником, взял перо в руку и освежил чернила.

- Тридцать пять больших монет золотом... - сопя, повторил он и внезапно вздрогнул. С кончика пера соскочила жирная капля и неровной кляксой растеклась по жёлтой странице.

За окном в саду звонко смеялись.

Оба - и смышлённый мальчишка, и хитрый казначей - облокотились на подоконник и свесили головы вниз. Там, среди желтовато-зелёных кустарников и пёстрых, ничем не пахнущих цветов, чьи раскрытые бутоны напоминали мельничное колесо, рука об руку прогуливались юноша и девушка. Оба напоминали двух пташек, которых так часто изображают на свадебных украшениях. Робко касаясь друг друга головами, они влюблённо смотрели друг на друга и жаждали поцелуя.

Юноша был строен и высок, с курчавыми волосами цвета тёмного ореха, красивой осанкой - такой, как и подобает молодым принцам, галантным и обходительным, властным и одновременно снисходительным. Карие глаза, прямой, с лёгкой горбинкой, нос, сильный подбородок - всё было при нём. Тёмно-синий камзол из лучшей парчи был украшен золотыми пуговицами в виде водяных линий - символа Озёрного края; под тёмно-синим жилетом пряталась белоснежная сорочка из воздушного льна; на ногах - чёрные штаны и чёрные кожаные ботфорты с подкрученными голенищами. И ко всему этому по-королевски роскошному великолепию прилагалась острая шпага с эфесом из чистого серебра.

Девушка, с которой он не спускал глаз и кому шептал что-то волнительное на ухо, при этом загадочно улыбаясь, красавицей не была. Невысокого роста и не такая складная, какими бывают девицы в положенные им семнадцать лет. Не было в ней ни жемчужного цвета зубов, ни бархатистой кожи оттенка слоновой кости, ни локонов, туго подкрученных и украшенных нежным жемчугом. Но зато были оттенка жареного каштана волосы, весёлыми волнами разметававшиеся по плечам, глаза серо-зелёного цвета и курносый нос, задиристо приподнятый. И всё бы хорошо и радостно, если бы не тоненькая складка на переносице. Появлялась она редко и ненадолго, в те самые моменты, когда девушка переставала смеяться и отворачивала лицо в сторону, о чём-то вспоминала и хмурилась. Но, стоило юноше обмолвиться хоть словом, морщинка разглаживалась, тревога уходила, уступая место прежней беззаботности.

- Какая она хорошенькая, - мечтательно вздохнул подмастерье-писарь, сползая с подоконника и возвращаясь на место.

- И богатая, - добавил казначей, многозначительно вытянув мизинец вверх. - Арлина де Врисс. Её отец - хоть и обычный торговец, сам себе выписавший громкое имя, а капиталу нажил немало.

Казначей заходил из стороны в сторону, заламывая пальцы на руках и подсчитывая чужие деньги. Этим делом он мог заниматься круглые сутки и увлекался так, что не замечал никого вокруг, тем более какого-то там лохматого мальчугана, в поте лица затирающего кляксу на свитке.

- Шелка, парча и кружева... Его ткани - лучшие в лавках, и покупают их не простые горожанки, а настоящие леди, дамы со статусом и положением в обществе. А чего только стоят его запасы специй! Я видел в кладовых шафран и розовый перец, тмин и кардамон и даже столь редкий в наших краях чеснок! Подумать только! Молотый чеснок! Сам королевский повар кладёт в жаркое всего щепотку и только по большим праздникам, а у де Врисса его целый ящик! Его кладовые до отказа забиты товаром, и ещё столько же на подходе в порту, и всё это стоит тысячи и тысячи золотых монет!

Казначей споткнулся на полуслове, только сейчас осознав, с кем ведёт разговор, откашлялся и суровым тоном продолжил:

- На чём я остановился?

- На приданом, - нахально отозвался мальчишка, довольно сдувая последние следы зачистки.

Казначей нахмурился. Лишь бы слухи не дошли до торговца де Врисса, что брак намечается по расчёту, но своего писаря казначей знал давно - мальчишка любил развесить уши, но никогда за стенами кабинета об услышанном не болтал. Хороший из него впоследствии счетовод выйдет, если сундуки в запасниках будет держать на таком же замке, как и рот.

А брак действительно намечался с прицелом. Король Конри III, которого за наличие круглой рыжеволосой головы в народе прозвали Королём-Тыквой, к невесте и её семье расположения не проявлял. Лишь один раз, как того требовали церемонии, явился в Голубую залу, чтобы выпить с будущими родственниками чаю из фарфоровой посуды. Говорили в тот день немного - всё о новых партиях товара в лавках де Врисса и проблемах с переправой через Колокольную реку, но уже тогда король понял, что хоть невеста и не писаная красавица, и родовой книги, по которой можно узнать историю её предков, у них и в помине нет, приданое отец давал за ней солидное. Будучи единственным ребёнком, девушка при вступлении в брак получала половину доходов отца, а после его смерти и всё состояние, которого, по оценке королевского казначея, хватит, чтобы обеспечить двору беспечную жизнь на ближайшие сто лет.

Король согласие дал. Его старший сын, наследник трона, Патрик, уже давно был выгодно женат на принцессе соседних Медовых пустошей, поросших медоносным вереском и облепленных пчёлами. А младший - Мартан - вполне мог позволить себе жениться на простолюдинке и приумножить богатства королевской семьи. Тем более, и сам Мартан был не против. Король не раз, тяжело вздыхая, наблюдал, каким взглядом юноша смотрел на свою невесту. Брак по любви? При таких мыслях король сразу кривился. Эти браки для нищеты, с которых и взять больше нечего. Но если к любви примешивается звон монет, то пусть себе любят на здоровье и во благо государства.

Помолвка состоялась по горячим следам, и уже за ужином Арлина примерила кольцо невесты. Кроме большого розового бриллианта, его украшала россыпь мелких драгоценных камней, переливающихся в свете солнца и свечей всеми цветами радуги.

Придворный казначей хорошо знал цену кольца - мало что в королевских запасниках по ценности могло с ним сравниться.

В своё время за розовый бриллиант была отдана чуть ли ни четверть королевства. Те самые земли, где уходили в небо холодными острыми пиками Смоляные горы, где с обрыва Скорби из-за несчастной неразделенной любви срывались вниз молодые девушки, и где вместо орлов в небе парили вечно голодные вороны.

Сделка была заключена давно ещё прапрадедами Мартана. О потерянных землях не жалели - в них не было ничего особенно, кроме мрачной тоски, вечно хмурого неба и низких облаков. И крайне странно было, что в таком хмуром и нелюдимом месте мог храниться столь роскошный яркий бриллиант.

В запасниках Конри III не было камня ценнее этого, и отдать его дочери торговца без рода и племени король согласился, только заручившись обещанием, что после свадьбы кольцо вернётся в сундук под замок, где и находилось всё прежнее время.

Мартан спорить с отцом не стал - в тот день у него всё валилось из рук. И устраивать спор, который ни к чему не привёл бы, принцу не хотелось. Какое, к мухам болотным, кольцо, если пора выходить в залу к невесте, её родственникам и гостям, а бутоньерка для петлицы до сих пор не срезана. Мартану никак не могли угодить: одна роза слишком крупная, другая - бледная.

В конце концов, юноша решил появиться без цветка, но тут ему повезло. Одному из гостей, молодых лордов, стало плохо - переел креветок в кляре. Поспешив в уборную, он столкнулся на лестнице с Мартаном, и бутоньерка выпала из петлицы. Мартан не побрезговал.

В целом же всё шло как по маслу: и на кухне в кастрюлях всё шкворчало и бурлило - готовились на пробу соуса к мясу, рыбе и птице; и церемониймейстер заучивал наизусть длинные имена гостей, которые содержали не только фамилии, но и ряд титулов и прозвищ, о которых можно было язык сломать; и музыканты репетировали вальсы. День был выбран удачно: на растущую луну, в то самое мгновение, когда звездный феникс сгорает и возрождается вновь. Дело оставалось за малым: пережить свадьбу.

Посчитав в уме, сколько предстоит дополнительных расходов на цветы и сладкие угощения, казначей радостно потёр руки и продолжил диктовать список мальчугану-писарю. Тот, в очередной раз обмакнув перо в чернила, вновь высунул язык и с ещё большим прилежанием принялся царапать буквы и цифры.

Через распахнутое окно было слышно, как тронулась с места карета, запряженная тройкой лучших лошадей - это Арлина уезжала домой. А следом за ней, но с разницей в полчаса, ещё один торопливый стук копыт. Две лошади со своими всадниками вышли за ворота. Но свернули не в сторону кишашей людьми столицы и не в сторону деревень, а в сторону леса, за которым границы Озёрного края кончались и начинались другие независимые земли. Земли со своими правилами и устоями.

В подвале игорного дома «Малиновый туз» было темно и сильно несло куревом. На семь небольших комнатёнок окно насчитывалось одно и то зарешётчатое. И выходило оно на земную поверхность всего на одну треть.

Разглядеть, что творилось внутри или снаружи, было невозможно. Света окно давало ровно столько, чтобы понять, день сейчас или ночь. На большее рассчитывать не приходилось. Это было весьма полезно, так как, просидев несколько суток кряду за карточным столом, многие посетители переставали соображать и начинали возмущаться, что ещё и солнце не встало, а их уже просят убраться восвояси.

В карты играли только в трёх из семи комнат: в первой резались в «ведьму - два валета», во второй - в обычного «подавалу», а в третьей - в «летающего джокера». Ещё в двух комнатах крутили самодельную рулетку и ставили на чёрное и белое. А в оставшихся двух отдыхали столь бурно, что стоны были слышны и там, где летал джокер, и там, где из рукава доставали третьего валета, и там, где сливали колоду и всё равно проигрывали ловкому раздавалу.

Расположенный сразу за лесом, городок Картерплаатс, обходимый честными гражданами стороной, давно приобрёл скандальную и грязную репутацию. Чего и кого здесь только не было: город притягивал к себе воров, бродяг, картежников, пьяниц, преступников и шарлатанов. У каждого из них была своя нелёгкая история, и все они в Картерплаатсе были на одно лицо: грязные, немытые, нечёсанные, в рваной и сильно поношенной одежде, неопрятные и некрасивые.

Карточный кудесник Флинн, ловко перекидывающий джокера из правой руки в левую, прячущий его за манжетой и незаметно для всех вытаскивающий в самый нужный момент, не был исключением. Со шрамом на губе, со сросшимися бровями и неаккуратной бородой, в которой застрял кусок лепёшки, он в очередной раз сгрёб в свою сторону кучу монет, проигранную посетителями и, нервно тасуя карты немытыми руками, склонился над игроком, проигравшим в эту ночь больше остальных и до сих не желавшим уходить. Со стороны было видно, что игрок был пьян, но не настолько, чтобы не понимать, что он делает или говорит.

Закончив тасовать колоду, Флинн убрал её в нагрудный карман залатанного жилета и прошипел:

- Долго ещё тут сидеть будешь? Шуруй уже отсюда, не пугай народ.

Молодой человек поднял голову и умоляюще посмотрел на ловкого раздавалу.

- Ещё разок... Глядишь, отыграю.

Глаза Флинна заблестели жадной наживы.

- А что поставишь?

Юноша перевёл рассеянный взгляд с карманов на раздавалу и выдавил:

- Я третьего дня давал тебе камень! Его на месяц хватит!

Флинн хитро присвистнул.

- Фи-и, что камень?! Вы, ваша милость, на камень с тыщу раз уже сыграли. Вона глядите, у меня до сих руки в мозолях. Сроду так много за вечер не раздавал.

- Это был семейный розовый бриллиант, тупица ты этакий! Да за него ты мне должен до конца жизни карты пулять.

- Бриллиант или стекляшка разукрашенная - мы, ваша милость, в камнях разбираться не приучены. Блестит, и хорошо.

Флинн вытащил из кармашка кольцо с камушком, в аккурат такое же, какое было на безымянном пальце Арлины, сдул с него крошки, потёр о ткань жилета и попробовал выступающий край камня на зуб.

- Пёс вас богачей знает. Вот вы про бриллиант талдычите, а на вкус стекло и стекло.

Юноша взорвался.

- Отдай бриллиант, скотина!

Флинн поспешно отдернул руку.

- Эй-эй, ваша милость, будьте добры убрать ручонки. Проиграли - платите. У нас тут всё по-честному.

- По-честному? - зарычал проигравший. - Да я из всех партий ни разу джокера не словил, мошенник ты этакий.

- Ну, игра есть игра, - пожал плечами раздавала. - Теперь позвольте, я откланяюсь.

- Постой. - Юноша схватил Флинна за рукав. Его глаза одержимо блеснули. - Давай ещё партию! Последнюю на сегодня.

Флинн аккуратно разжал пальцы молодого человека и высвободил свою руку.

- А платить чем собираетесь?

- Давай в долг!

- Э-э, нет, - протянул Флинн. - Вы только-только камушком прошлый долг отдали, а сегодня опять чуть ли ни состояние продули. Будьте так благородны, отдайте вначале этот долг, а потом уж и карты пуляйте.

- А ну, раздавай, дубина! - юноша готов был взорваться. - Ты, кретин, даже не понимаешь, кто перед тобой! Да у меня денег - служанка кур ими кормит!

- Что же вы сегодня опять не платите и на бумажке траты записываете? - ловко подначил Флинн.

- Не переживай, - надменно протянул собеседник. - Я скоро женюсь и получу приданым столько золота, что куплю весь ваш притон с потрохами. Посмотрим тогда, как ты запоёшь.

- Вот вы сначала женитесь, а потом угрожайте. Кстати, я должен предупредить, у нас правила железные: не платите в течение ста дней - на сто первый к вам приходят.

- И что? - глаза игрока настороженно заблестели.

- Ну, вот голову Арджая Зелёного Воротника нашли в тот же день в купальне, а руки и ноги аптекаря из Атоля сыскали только спустя полгода после того, как его жена хватилась. Так что вы уже сами решайте, что. И да, - раздавала посмотрел через плечо резко замолчавшего и задумавшегося собеседника и кивнул, - тут вот уже по вашу душу подоспели.

И, пользуясь моментом, когда юноша испуганно обернулся, Флинн поспешил исчезнуть в сизом тумане табачного дыма.

- Чего явился? - Недовольный хрип предназначался коренастому русоволосому пареньку, выросшему за спиной отчаявшегося игрока.

- Уже далеко за полночь, ваша милость, - озираясь по сторонам, зашептал тот. - Что скажет король, если вы опять явитесь домой к утру? Прошлые сказки про «сбились с пути» уже не пройдут. Король и так давно подозревает неладное. А скандалов накануне свадьбы ой как не хочется.

- Да и мне они ни к чему, - одумался, наконец, юноша. - Вот женюсь на дочке торговца-толстосума, тогда и разгуляюсь. Кстати, отец ничего не узнал о камне?

- Даже главный придворный ювелир не заметил подделку. Сияет себе и сияет. Розовый и розовый. Прямо как настоящий!

- Да-а, - протянул принц, - теперь бы настоящий вернуть. Нужны деньги, Ланс. Много денег. Я должен отыграться.

- Может, уже хватит, ваша милость? Не к лицу это принцу Озёрного края, принцу Мартану Светлоозёрному, по притонам мотаться.

Мартан вскипел и брезгливо кинул.

- Знай своё место, слуга.

Ланс покорно потупил взгляд и сунул руки в карманы кафтана. Оба так и стояли, не проронив ни слова, пока по плечам Мартана не забарабанили длинные худые пальцы с нечистыми неровными ногтями. Худые руки были украшены многочисленными медными браслетами, побрякивающими при каждом малейшем движении.

- Расслабиться не хотите, мальчики? Всего один серебряный, и я, и моя подруга ваши.

- Иди-иди отсюда, - зашипел было Ланс на накрашенную полуголую девицу, но был остановлен.

- Жди меня на улице.

Будучи не в том статусе, чтобы спорить, Лансу только и оставалось, что смотреть, как хозяин растворился в темноте душевных, пропитанных потом комнат. Обнимаемый девицей, Мартан даже не почувствовал, как ловкие пальцы нырнули в плохо затянутый мешочек на поясе и вытащили оттуда последний золотой, припасённый на обратную дорогу.

Глава 2. Переполох на площади

Столица Озёрного края, город Атоль, готовилась к празднованиям. По случаю свадьбы младшего сына король расщедрился и приказал расставить лотки с бесплатными угощениями по всей центральной площади. Тут и пиво наливали, а детям - сладкую воду, и куличи раздавали: кому с маком, кому с сахаром, а кому просто так - обмакнул один конец в толчёные абрикосы и жуй.

Повсюду кипела жизнь. До свадьбы оставалась неделя, и из своих каморок повылазили все: от убогих до калек, чтобы воспользоваться редким шансом хорошенько заработать на год-два вперёд. Богачей в эти дни на площади было много, и милостыня раздавалась щедро.

У лавки сыродела Блана с рассвета и до заката толпились двое: босоногий мальчонка, бритый налысо, и конопатая девчушка с лохматыми косами. Оба громко и задорно пели и имели большой успех среди толстосумов. Монеты им в чашку так и сыпались. Опять же Блану певуны-попрошайки оказались на руку: позабавившись над нескладным пением, довольные господа заходили в лавку, где просили отвесить им одну-другую головку дырявого сыра и платили всегда крупной медной монетой.

Булочник и мясник тоже были не в обиде. Рядом с их лавками толкались убогие старухи в лохмотьях до пят. Правда, своими грязными платками они отталкивали тех, кто спешил купить копчёной оленины. Костлявых старух покупатель чурался, до дверей лавок хлебных и мясных в итоге не доходил, а сворачивал к сырам. Мясник поначалу вздыхал-вздыхал, но потом повысил цены вдвое и снова зажил припеваючи.

Больше всех повезло цветочнице: у её нежно пахнущих витрин топтался молодой скрипач. Тощий и чахоточный, играл он весёлую кадрили, и любопытные дамы обязательно останавливались, чтобы послушать, а затем заглядывали в лавку и заказывали себе букетик из голубой гортензии, чайной розы и россыпи белой гвоздики.

Клоуны-циркачи, цыганка, гадающая по руке, никем не признанный художник, готовый за пару минут набросать углём любой портрет - всё смешалось на площади и создавало нескончаемую суету.

Резвые лошади ворвались прямо в гущу хаоса и столпотворения и резко затормозили в самом центре большой чёрной лужи, не высохшей ещё с прошлых выходных. Грязь фонтаном метнулась вверх и в стороны, оседая на лицах, платьях, камзолах, лохмотьях и рваном тряпье.

Кучер как ни в чём ни бывало прыгнул с козел и вразвалочку направился к дверце кареты. Распахнув её, согнулся в полкорпуса и вытянул руку вперёд.

- Прошу вас, леди де Врисс.

Арлина выплыла из экипажа, словно важная птица, и миловидно поморщила носик от многообразия запахов: приятных и не очень.

Спектакль для толпы, который де Вриссы успешно играли уже долгое время, кого-то смешил, а кого-то восхищал. Дело в том, что лордами де Вриссы отродясь не были, но с удовольствием за внушительный гонорар приклеили к своей фамилии титул в виде приставки «де», чтобы в глазах соседей казаться ещё важнее. Наглости отца Арлины можно было только позавидовать. Ну, а как иначе? Сумел бы он сколотить внушительный капитал, если бы всегда был скромн и брал по чину?

Стоило помолвке состояться, как в тот же день Арлина примерила на себя не только дорогое кольцо, но и титул леди. А, как говорить, если сам поверишь во что-то, то и остальные рано или поздно в это уверуют и под сомнение ставить не будут.

Расправив складки на платье приторного канареечного цвета и раскрыв над собой шёлковый фисташковый зонт, которым только от солнца и спастись - от дождя не поможет, девушка,

бесцеремонно шлёпая по лужам и даже не удосужившись поднять подол, направилась к дверям мастерской самой известной и дорогой на весь Атоль модистки. Мадам Шеврон кроила и шила только для леди, на ужин питалась лишь огурцами и сильно картавила.

- Подай на корку хлеба, дочка.

Стоило Арлине сделать два шага по направлению к салону портнихи, как к ней тут же подлетела старая сгорбленная старуха и протянула трясущуюся руку, всю в бородавках.

Арлина резко отпрянула от нищенки, но что толку - с другой стороны её поджидали девчонки-побирушки. Мухи болотные, куда смотрел кучер? Неужели, не мог остановиться прямо у дверей? До салона ещё идти и идти, ломиться через стену грязных и голодных оборванцев в лохмотьях.

Сделав вид, что не расслышала, Арлина, гордо подняв голову, сделала ещё несколько шагов вперёд. Отец учил ни гроша зазря не разбазаривать. «Стоит дать один, - неустанно повторял он, - как выклянчат и второй. Не успеешь и глазом моргнуть, как всё, что нажито, растащат». Но как же сложно и неприятно протискиваться сквозь толпу воняющей нищеты, так и норовящей или кошель с пояса свистнуть, или камень из браслета выковырять. Развернув кольцо с розовым бриллиантом камнем внутрь и сжав пальцы в кулак, Арлина задержала дыхание, чтобы не вдыхать окружающий смрад, и, крепко зажмурившись, уверенно зашагала к заветной мастерской.

- Этак и по голове пройдёшь, - сварливый голос заставил Арлину остановиться и посмотреть под ноги.

Приподняв измазанный в чёрной жижи подол платья, девушка обнаружила, что её правый башмак каблуком вдавил в землю дешёвую, с отколотым краем, глиняную миску, разбросав при этом в разные стороны все находившиеся в ней монеты. Уродливый старик, один глаз которого уже давно не видел, а во втором зрачок был вместо чёрного тёмно-серым, ползал на коленях, царапая проступающую сквозь драные штаны кожу в кровь, причитал и собирал накопленное за день «богатство». К нему подбежали мальчишки и принялись помогать подбирать монеты, не забывая при этом и про свои полупустые карманы.

Арлина аккуратно выдернула каблук из вязкой земли и проверила, не сломался ли он. Каблук был в порядке, чего нельзя было сказать о миске - та раскололась на две половинки.

Равнодушно пожав плечами, Арлина отступила в сторону, подошла к салону и дёрнула на себя входную дверь. Колокольчик приветственно зачирикал.

- Леди де Врисс!

Алые губы мадам Шеврон расплылись в деланной улыбке. Мадам уже давно поняла, что пара-тройка нужных слов, которые так хотят услышать дамы, принесут ей гарантированную клиентку и гарантированный заказ. В случае с Арлиной таким словом было «леди».

- Серебряную нить по подолу мы пустили, на перчатках белую гвоздику вышили. Помощница заканчивает украшать туфли жемчугом, к завтрашнему утру должна управиться. Платье примерить изволите?

- Как вы это выносите? - возмущённо вымолвила девушка, отодвигая кружевную занавеску и смотря в окно. - Эти нищие просто всю площадь заволокли: ни пройти, ни проехать. Надо бы пожаловаться городовому.

- И не говорите, - вздохнула портниха, затем дождалась, когда клиентка облачится в роскошный наряд и начала крепить булавками пояс к воздушной ткани. - Босяки половину клиенток мне распугали. Ваша свадьба с принцем состоится совсем скоро, гостей приглашено несметное количество. Всем дамам нужны платья. Молодым девушкам, которым предстоит выйти в свет первый раз, рекомендуют меня и моих работниц, а девицы к дверям салона подойти боятся. И бегут к другим модисткам. А у тех что? Шов разойдётся после первого же бас-данса. А у меня всегда ниточка к ниточке, стежок к стежку.

Мадам Шеврон заботливо погладила лёгкий, словно облако, шёлк.

- Превосходно. - Арлина покрутилась перед огромным вытянутым зеркалом, которое держали сразу две помощницы портнихи. - Не слишком ли много амариллисов? - спросила девушка, разглядывая подол, расшитый крупными белыми цветами.

- Ровно столько, сколько и положено невесте, - со знанием дела улыбнулась мадам Шеврон. - Уж я знаю, доверьтесь.

- Тогда, может, в талии ещё утянуть?

Мадам Шеврон оценивающе оглядела Арлину и задумалась.

Опытная швея, мадам всегда чётко чувствовала настроение клиенток. Вот этой, рыжей и веснушчатой, с зелёной змейкой из самоцветов в волосах нравятся меха. Значит, будет ей муфта из серебристого меха куницы с чёрными застёжками. Другая стесняется своего роста. Тогда талию на платье поднимем повыше, пусть со стороны кажется, что ноги чуть ли не от груди растут.

Но, что не устраивало Арлину, мадам Шеврон никак не могла понять. Всё было при девушке - чего ещё желать? Можно, конечно, добавить шика и пустить по низу рядом с серебряной нитью золотую, но к чему украшать и без того прекрасное? Однако Арлина была недовольна, и мадам Шеврон это видела невооруженным глазом, то есть без очков и без напёрстка на пальце. Иначе, почему на переносице вдруг возникла столь странная складка?

- С платьем всё в порядке, - выдохнула, наконец, Арлина, - это просто волнение.

- Как я вас понимаю, - мадам Шеврон молитвенно сложила руки на груди. - Выпейте отвара из листа кочехвоста. Вмиг успокоит.

Прохладный, сладковатый на вкус напиток и вправду развеял тревогу. Морщинка разгладилась, лицо засияло прежней девичьей свежестью, и Арлина задорно рассмеялась.

- Теперь не двигайтесь, я доделаю наметку.

Тыкая швейными булавками с обеих сторон, мадам Шеврон не сразу расслышала, как Арлина разомкнула губы и прошептала, будто уговаривая и успокаивая саму себя:

- Это просто волнение. Не больше и не меньше... Сны на черепашую луну вещими никогда не бывают.

- Не бывают, - ухватив последние слова, поддакнула портниха. - Мне вот снился высокий усатый военный в прошлую черепаху, и где он? Хоть бы косолапый или кривой какой забежал - ни одного нет. Зато уродливых стариков и чахоточных попрошаек у дверей хватает.

Мадам Шеврон кивнула в сторону окна, за которым поднялся шум. Одному из мальчишек кроме монеты перепал горячий блин, и другие босоногие накинудились на него, словно чайки на выброшенного на берег малька.

- Значит, не сбудется, - расслабленно выдохнула Арлина, и пара булавок тут же вынырнули из скользкой ткани и зазвенели на полу.

Мадам Шеврон охнула, ещё раз велела не шевелиться и принялась скреплять боковины платья заново.

- И что снилось? - промычала портниха, зажав между губ две иголки.

- Какой-то пустой бред, - пожалала плечами Арлина, на что портниха не преминула цыкнуть.

- Коль бред да на черепаху, однозначно из головы выбросьте. Не сбываются сны на черепаху-то. Вот на трёхголовую гидру другое дело!

- А если снился и на черепаху, и на гидру?

Мадам Шеврон задумалась.

- Тогда осторожней надо. Мало ли, что у гидры на уме.

- Самое ужасное, что в том сне ничего не понятно. Я стою рядом с человеком, лица которого не вижу. Я не знаю, кто он, но чувствую, что сильно люблю его. Так сильно, что жизни без него на чаю. Он умирает на моих глазах, а я ничего не могу сделать, никак не могу помочь ему. И от этого мне больно и горько, и сердце разрывается на части...

- Вы видите, как умирает принц Мартан? - изумилась портниха.
- Лица не разобрать, но, конечно же, это Мартан! Кого ещё я могу так любить?
- И сон заканчивается смертью?
- Да, и я сразу просыпаюсь вся в холодном поту.
- Ни разу ничего подобного не снилось.
- И я совсем не знаю, что мне делать и куда бежать. Рассказать отцу и Мартану - засмеют.

Со служанками - так те только вздыхать умеют, а дельного совета от них не услышишь. Все талдычат одно, словно сговорились: волнение, волнение и ещё раз волнение.

- Да и я так думаю, - вставила мадам Шеврон и вдруг резко вскинула голову. - Ну что там опять?

Швея выплюнула иголки на ладонь, недовольно поджала губы, подошла к окну и высунулась на улицу. Грозя кулаком, она гневно закричала:

- Я вот покажу тебе, негодник, как ленты с моей вывески соскребасть! А ну, брысь!

Конопатый мальчуган в серой рубашонке и пыльных штанах рванул подальше от дверей салона. За ним змеей волочилась содранная шёлковая лента лилового цвета стоимостью этак пол медяка.

Боясь, что резвая и выносливая мадам Шеврон догонит и даст тумаков, мальчишка бежал, не разбирая дороги, и при первой же возможности врезался в долговязого циркача на ходулях. Выбив деревянные палки из-под ног ловкача, мальчишка головой ушибся об одну из них. Вторая же отлетела в сторону и со всей силы зарядила в карету, в аккурат в то самое место на дверце, где только вчера закончили выводить инициалы Арлины де Врисс. Не выдержав удара, жирный слой позолоты дал трещину и начал осыпаться. Попрошайки, воодушевленные золотым дождём, ринулись, ругаясь и толкаясь, к карете набивать карманы драгоценной крошкой. Началась давка.

- Немедленно прекратите! - завизжала Арлина, стоило ей увидеть, что творится вокруг кареты.

Забыв про несметное количество булавок, заколотых по всему платью, Арлина бросилась на улицу, в самое сердце одичалой толпы, сметая всё на своём пути. Греющиеся на солнце ленивые жуки, юркие ящерицы, листья и ветки - всё летело в разные стороны из-под башмаков девушки, решительно настроенной, разгневанной и возмущённой.

Наскочив на серый камень, остриём выступивший из развороченной земли, невысокий каблук неуверенно скользнул по гладкой поверхности и... отвалился. Прямо как зуб у шестилетнего племянника Арлины, когда тот сунул в рот затвердевший пряник. Говорили же, сперва стоит в молоке размочить. Так нет, жадность взяла верх. Жёлтый, как прогорклое сливочное масло, зуб выскочил изо рта вместе с пряником и смешался с песком и пожухлой травой. Так и каблук.

Беспорядочно размахивая руками, Арлина несколько раз поймала воздух, но не удержалась и повалилась вперёд, цепляясь за всё, что по той или иной случайности оказалось рядом. Меж пальцев проскочили шероховатые кружева, вырванные вместе с парчовой лентой, гладкие жемчужины, горсть хрустальных бусин, нитки, клочья, грубая холщовая ткань, комья земли, трава и даже чьи-то засаленные волосы. Коротенькие булавки выпрыгнули из положенных им мест - платье мигом разошлось по швам, радуя вмиг упорхнувших подальше от кареты мальчишек пикантными подробностями: корсет, оказывается, был не белого, а молочного цвета, а на одной из штанин панталон лопнула резинка - та самая, что должна была изящно подхватывать полупрозрачную ткань чуть выше колена.

Выплюнув изо рта пучок смешанной с песком травы, Арлина приподнялась на руках и села. С тёмного локона на плечо спустился маленький паучок и в панике забегал из стороны в сторону, пока его не стряхнули грязной, в ссадинах, рукой.

Всё было испорчено. Башмаки, за которые отец отдал три рулона тяжёлого бирюзового панбархата, валялись один в одной стороне, второй - в другой. Оба пыльные, поцарапанные, поломанные и более не годные. В волосах застряла земля, и запахи шли такие, что Арлине было страшно представить, во что же такое она в действительности вляпалась. На правой щеке синяк и царапины - это Арлина хорошо приложилась о что-то деревянное. О ветку что ли? И, наконец, платье... На него лучше было не смотреть. Испачканное, рваное, оно напоминало лохмотья, но никак не бальный наряд. Арлина не удержалась и всхлипнула.

- Вот, прикройся, - услышала она каркающий голос прямо над ухом, обернулась и вздрогнула.

То был голос того самого омерзительного старика, чью миску она несколькими минутами ранее решительно раздавила каблуком. И это об его палку она ободрала кожу на лице и локтях. И именно он сейчас протягивал ей свой старый тёмно-серый плащ из грубой ткани, весь поеденный молью. Тряхнёшь - и рассыпется на части.

- Убирайся, - брезгливо ответила Арлина и отвернулась, чтобы не видеть всего уродства, которое ранее пряталась под плащом, а теперь вышло наружу.

- Да мне-то уже не страшно. На мои волдыри мало кто позарится, а твои панталоны весь город будет обсуждать. Хоть платье одерни, коль нос воротить помощь принять.

И, желая Арлине лишь добра, старикашка не мешкая дёрнул за хрупкую ткань. В ответ та затрещала ещё сильнее.

- Пошёл отсюда, - змеёй зашипела Арлина на старика и замахнулась, чтобы его ударить, но старик ловко увернулся, и кулак девушки пришёлся прямо в колено кучера, подоспевшего, чтобы помочь. Взыли оба, но кучер тут же принялся рассыпаться в неуклюжих извинениях, а Арлина - дуть на опухшие и покрасневшие пальцы.

Ещё минута - и вокруг Арлины кого только не было: и охавшая мадам Шеврон, чуть ли не рыдающая при виде порванного платья, но в душе ликующая, что придётся шить новое и, что немаловажно и крайне прибыльно, в кратчайшие сроки; и цветочница, выскочившая на шум из своей лавки; и мясник, отложивший парное мясо в сторону, к которому тут же слетелись мухи; и даже черноволосая цыганка, толкавшаяся всё это время в сторонке. Подняв испачканные в пыли и более непригодные для носки башмаки, цыганка подошла к спешно забиравшейся внутрь кареты Арлине и нараспев протянула:

- Дай монетку, красавица, - башмаки верну. Хороши, чай, башмаки-то. А подлатаешь, так век носить будешь - не сносишь.

- Сдались они мне, - фыркнула Арлина, потирая израненные руки. - Забери себе.

- Ах, спасибо, медовая ты моя, - кланялась в пояс цыганка. - Дай хоть отблагодарю тебя, чем смогу. Протяни ручку - о будущем расскажу.

Арлина недоверчиво покосилась, но руку протянула. Цыганка заводила по ладони пальцем с длинным нечищенным ногтем.

- Вижу дом о ста комнатах да богатство немалое. Фату белую да платье пышное.

От этих слов Арлина только ещё больше фыркнула - о её скорой свадьбе с принцем Озёрного края не знал только глухой. Но цыганка продолжала:

- А ещё вижу ночи бессонные, тревогу и слёзы твои. Сон кошмарный ты видишь который уж день, и суждено ему сбыться...

Цыганка не закончила - Арлина резко одернула руку и испуганно посмотрела на черноволосую ясновидящую.

- Ты врёшь, - прошептала побледневшая девушка. - Ты не можешь знать про сон.

- Дай закончу, - ласково продолжила цыганка, гипнотизируя взглядом Арлину, и та подчинилась. - Выйдешь ты замуж, и сбудется сон твой. Любимого вмиг потеряешь, утонешь навеки в горьких слезах и растворишься в одиночестве.

Не желая больше слушать, Арлина отняла руку и спрятала за спину. Её лицо было бледнее муки, из которой вернувшийся в лавку булочник собирался печь галеты.

- Хороша гадалка. Подслушала мой разговор у портнихи и хочешь ещё больше меня запугать. Да подавись ты этими башмаками! Трогай! - в сердцах крикнула Арлина кучеру, и тот занёс хлыст.

- Но смерть можно обмануть и любимого спасти, - цыганка говорила тихо, но Арлина слышала каждое слово. - Коль захочешь узнать, как, приходи. Найти меня легко: спроси Лачтну у любого прохожего, и каждый пальцем укажет.

- Трогай! - ещё громче закричала Арлина, оттолкнула цыганку, захлопнула дверцу кареты и откинулась на мягкую спинку сидения. Закрыла глаза и задумалась. Карета тронулась.

Глава 3. Защищайтесь, милорд!

- Вы слышите меня или пуговицу разглядываете?

- Я её, кажется, потерял.

- Защищайтесь, милорд, не то к дырке на манжете прибавится ещё и дыра в сердце.

Лансель выставил шпагу вперёд, целясь в грудь Мартана. Слуга с детских лет, товарищ по играм и тренировкам, тень своего господина и сын капитана королевской стражи, Ланс вместе со своей жизнью одновременно проживал и жизнь принца. Беспокоился и ликовал равно так же, как и сам Мартан, а порой и сильнее.

Погодки, Лансель и принц, с пелёнок были неразлучны. В первые годы король был против их дружбы - он считал, что друзья его сына должны иметь более высокопоставленных отцов, чем простой дозорный. Когда же новичок стал усиленно карабкаться по карьерной лестнице и дорос до командира, король смирился. Коль интересно Мартану с неотесанным болваном на палках драться, пусть тешится, а там, глядишь, и новые интересы появятся. Шли годы, интересы появились, но на их фоне дружба стала только крепче.

- En garde, - скомандовал Лансель и отпрыгнул на исходное место, держа шпагу на изготовке.

Мартан отдернул дырявую манжету, по которой минутах ранее прошла колкая пика, ловко покрутил изящный эфес и ринулся в нападение. Холодная сталь скрестилась, и громкий щёлкающий лязг отозвался в каждом уголке тренировочного зала. Просторный и холодный, вытянутый, с двенадцатью мраморными колоннами, уходящими в потолок, он был украшен лепниной и расписан по мотивам древних легенд о рыцарях. Скрещенные шпаги, забрала и щиты бесстрастно взирали с высоты девяти ярдов на двух юношей, взмокших, но не желавших сдаваться и признавать победителем противника.

Удар. Другой. Мартан обогнул колонну и чуть не кольнул Ланселя в плечо. Тот вовремя увернулся, и шпага со свистом рассекла воздух.

- До сих пор надеешься меня обойти? - усмехнулся принц, ни секунды не давая передохнуть слуге и обрушивая на него удар за ударом.

- Я тренировался с лордом Клаффердом.

- Лорд Клафферд - старик, одна нога короче другой. Правая рука давно трясётся, а потому фехтует он только левой.

- И потрясающе фехтует, я вам скажу!

Лансель отскочил вправо, развернулся на пятке и локтем толкнул Мартана в бок. Принц пошатнулся, но устоял. Шпага острым концом проехала по деревянному полу и оставила на нём длинный след.

- Лорд Клафферд обучает защите, а стиль короля - нападение.

- Так нападайте же, милорд. Или защищайтесь.

Мартан был тут как тут. С ловкостью пантеры он выпрыгнул из-за колонны и пошёл в атаку. Правый, левый, удар с плеча - Лансель всё отражал грамотно и умело, не замечая, однако, что Мартан потихоньку, шаг за шагом, теснит его к стене. Небольшая передышка, и Ланс, смахнув пшеничную прядь с потного лба, облизнул сухие губы.

Принц был сильным противником. Шпагу он любил как самого себя, тренироваться мог сутками напролёт, как и играть в карты. Усталости не знал, но увлекался настолько, что переставал считать часы и забывал о делах государственной важности. Сколько раз король нетерпеливо топал ногой, ожидая младшего сына на приёме в честь спуска на воду нового корабля или именин какой-нибудь из напудренных герцогинь! Мартану до всего этого не было ника-

кого дела. Шпаги звон и шелест карт он предпочитал чинным манерам и утомительным перечислениям титулов.

Ланс сжал тёплый эфес покрепче. Ладонь была уже вся мокрая и горячая, шея и спина - влажные. Тонкая серая туника вмиг впитала часть солёного липкого пота и зашлась расплывчатыми пятнами. Вытерев влагу с век и ямочки на подбородке, Лансель ждал.

Решающего раунда принц давать не спешил. Ходил львом в клетке, выискивая правильный момент и просчитывая необходимое количество ударов, после которых наступит окончательная победа. Его победа. Ничей другой уже много лет не было. Даже лорд Клафферд, его наставник и опытный фехтовальщик, давно числился вторым в списке. Ученик обошёл учителя три года назад и с тех пор к лидирующей строчке никого не подпускал.

Прищурившись, Мартан переложил шпагу из правой руки в левую.

«И что толку? Он обеими фехтует одинаково хорошо», - пронеслась мысль в голове Ланселя, лихорадочно вспоминающего все защитные трюки, которым лорд Клафферд обучал их обоих.

- Отец допрашивал тебя по возвращении из Картерплаатса? - Мартан, наконец, решился и ударил с такой силой, что по тонкой полоске стали пошла дрожь. - Что ты ответил?

- П-правду.

Лансель стиснул зубы и держался, не давал принцу сломать себя и загнать в угол.

- Какую, к болотным мухам, правду? - озлобился Мартан, плюнул, отвёл шпагу, но лишь для того, чтобы тут же разразиться новой дюжиной колющих брызг.

- Про Картерплаатс, про девок и про ночь в борделе.

Лансель уклонялся, отбивал удары, вертел шпагой, словно циркач - змеей, но ни в какую не мог одолеть Мартана. Уклонившись в сторону, он задумал было проскочить мимо принца, что в корне могло бы изменить расстановку сил, но тут же был остановлен острой пикой. Прижавшись спиной к холодной стене, Ланс часто-часто задышал, затем опустил руки и выронил шпагу. Упав, та звонко зазвенела и замерла, а к груди Ланселя жаждущим крови остриём прижалась другая: негибкая, беспощадная, голодная.

- Каких девок? - прошипел Мартан, сузив глаза и склонив голову в бок.

- Я только сказал королю, что перед свадьбой вы изволили развлечься, - зачастил безоружный противник. - Чтобы не привлекать внимания, мы отправились за пределы королевства, в дорогое место, куда часто навещается знать, и где никогда не спрашивают имени и титула. А если и догадываются, кто закрылся в комнате в конце коридора, то об этом не болтают и не шепчутся. Да и девицы опрятные и опытные, а вы выбрали кудрявую.

- Кудрявую? - Мартан взревел. - Как мне теперь отцу в глаза смотреть, подлец ты этакий? Кто тебя только за язык тянул? Не мог соврать другое?

- Другое уже ввали, ваша милость. И что в лесу полночи плутали, а потом в овраге ночевали; и что вместо тракта на Озёрный край по ошибке свернули на петляющую узкую тропу, а та в болота завела; и что лошади взбрыкнули и сбежали, а мы вплоть до дворцовой стены на попутках добирались. Легче вспомнить, чего не ввали, милорд. Вот про девок никогда не ввали, поэтому я и решил...

- Кто ты такой, чтобы решать? - глаза Мартана горели злобой, а губы походили на тоненькие искривлённые полоски. - Ты хоть подумал, что будет, если о твоём вранье узнают де Вриссы? Папаша Арлины проверять не будет, вспылит сразу и свадьбу отменит, короной ручаюсь.

- Не узнают они, - уверенно выдал Лансель.

- Я слышал, что отец посылал за де Вриссом утром. Если он всё ему расскажет, если хоть каплю сболтнёт, тебе несдобровать.

- Да его величество только обрадовался тому, что я ему скормил. Сказал, что без опыта в первой брачной ночи никак, и хорошо, что вы его набрались в аккурат перед свадьбой.

- Так и сказал? - в голосе Мартана спало напряжение.

- Слово в слово, ваше высочество. По-моему, это было лучшее враньё за последние полгода. Звучало как раскаяние и стыдливая правда - я даже покраснел и потупил взгляд, когда выдумывал, как могла бы выглядеть продажная девица, которая пришлась вам по вкусу, а король верил и радостно потирал руки.

Мартан пождал губы и задумался. О его карточных долгах знал только Лансель; даже казначей ни разу ничего не заподозрил, хоть принц одно время и ходил вокруг того кругами, разнюхивая, как бы урвать из казны горсть монет в оплату хоть части долга.

Временами удавалось обыграть раздавалу, и тогда долг сокращался. Но закрадывалось подозрение, что Флинн специально подкидывал нужный карточный расклад, чтобы, вкусив долгожданную победу, Мартан ещё больше распалился и поставил на кон сумму покрупней и конечно тут же бы её и слил.

Теперь же осталось терпеть всего ничего: пять дней пролетят как один, и Мартан получит долгожданное золото. Монеты перекочают из сундуков де Врисса в карман принца постепенно, чтобы не вызвать подозрений у молодой жены и её щепетильного отца. А дальше по цепочке Флинну. Долг будет выплачен, и Мартан вернётся в список желанных гостей в «Малиновом тузе», и снова попытается сорвать банк. Удача просто обязана ему улыбнуться! Ведь улыбнулась она ему с Арлиной. Где ещё можно было найти столь глупую и одновременно богатую девицу, боготворившую и возносившую Мартана до небес? Как она улыбалась ему при встречах, как ловила каждое его слово, порой не к месту сказанное, как внимала речам о быстротходности морских судов, в которых, по правде говоря, Мартан ничего не смыслил и нёс сплошную околёсицу. Но невеста оказалась ещё глупее, а потому, где нос, а где корма, не спорила.

С взмокших прядей волос на пол упала тяжёлая капля. Мартан вздрогнул, очнулся от мыслей и проткнул шпагой выбившуюся из-за пояса туннику Ланселя.

- Убит, - шутливо бросил Мартан, стянул с себя рубашку, развернулся и пошёл к выходу, на ходу протирая взмокшее тело такой же мокрой тканью.

Ланс облегченно выдохнул, поднял свою шпагу, выпрямился и поплёлся вслед за принцем.

- Алистер де Врисс, - провозгласил капитан королевской стражи.

Затем с секунду помедлил и колко, как острое прикреплённой к поясу шпаги, добавил:

- Торговец.

Король Конри III, вальяжно развалившийся в обитом тёмно-пурпурным бархатом кресле, таком огромном, что влёгкую могло бы вместить двух, а то и трёх человек, кивнул, повелевая пропустить.

В библиотеку, пропахшую пожелтевшими страницами, кожей и клейкой жижей, вошёл мужчина лет сорока пяти, с коротко стриженной острой бородкой, волосами цвета сосновой шишки и цепким взглядом ореховых глаз. Его ровно бритые виски совсем недавно тронула седина, но она не торопилась войти во власть и завоевывала территории неспешно и лениво.

Одет мужчина был неброско, но дорого и со вкусом. Камзол и штаны были пошиты из дорогих тканей; на ногах красовались сапоги из дорогой кожи северных моранов, водившихся только за Смоляными горами. Один фут такой дублёной кожи, переливающейся на солнце, стоил целого приданого дочери зажиточного крестьянина. А это и платья, и бусы, и стёганные покрывала, и шали, и вышитые вручную скатерти, и пара башмаков, новёхоньких, ни разу неношенных, а ещё кружевные салфетки, наволочки, полотенца, туники, чашки, ложки и круглое медное блюдо. Подпоясан де Врисс тоже был не верёвкой какой-нибудь, как обычно делало большинство торговцев, а дорогим кожаным поясом с серебряной пряжкой. Сбоку к поясу

был прикреплен бархатный мешочек цвета перспелой малины, набитый мелочью. Плотный коричневый плащ был бережно свернут и перекинут через руку.

- Алистер, - король поприветствовал торговца и указал на кресло напротив.

Упрашивать долго не пришлось. Отвесив глубокий поклон, де Врисс уверенно, будто и не во дворце был, а у себя дома, прошёл к креслу и сел. Заговорить первым не решался по этикету - ждал первого слова короля, а тот не спешил и ёрзал на своём месте, уложенном мягкими подушками благородных цветов. Наконец, тишина была нарушена.

- Я ценю, что ты смог так быстро приехать...

- Я остановил разгрузку тюков с лисьим мехом, что прибыли из-за перевала Слепых, - де Врисс решил, что вот он, подходящий момент вставить своё слово, и перебил короля. - Мех надо срочно доставить в прохладные склады. Сами понимаете, иначе моль накинется и пожрёт.

- Я не отниму у тебя много времени. - Конри III сделал жест рукой, останавливая торговца, который про кризисы на рынке сбыта пушнины мог говорить часами. - То, что я хочу с тобой обсудить, не менее важно, чем лисьи меха. И цена вопроса тоже немаленькая.

Привыкший разговаривать по делу и только на солидные суммы, де Врисс подался вперёд и напрягся.

- Это не касается поставок молотого чеснока ко двору, не так ли? - спросил он, предчувствуя неладное.

- Чеснока у нас хватает, - кивнул король. - Я предоставляю слово хранителю традиций Игвику. Он лучше объяснит суть дела.

Стоявший за креслом короля седовласый старик пригладил мятую белую рясу, мешком свисавшую с его дряхлых костей, кашлянул и затянул нудным и сварливым голосом.

- Тут такой дело, господин де Врисс... или мне лучше называть вас лорд де Врисс?

- Приказ о титуле я подпишу в день свадьбы, - ответил за торговца король. - Но ты, Игвик, можешь уже сейчас величать Алистера лордом Мшистой долины.

- Как вам будет угодно, ваша милость, - заискивающе поклонился хранитель традиций, такой же древний и нерушимый, как и сами традиции. - Так вот, лорд де Врисс. Всё дело в том, что неделей ранее я копался в старых родовых книгах. Знаете ли, кости ноют, и не спится...

- Давайте короче, - деловито бросил Алистер. - Лисы гниют.

- Уже перехожу к главному. Так на чём я остановился?

- На костях, - невпопад заметил король.

- На книгах, - поправил Алистер.

- Да. Книги. Так вот, лорд де Врисс, вы сами только начинаете писать историю вашего рода и должны понимать, насколько происходившее в прошлом может влиять и накладывать сильный отпечаток на ситуации в настоящем.

- Я вас не понимаю. Говорите проще, Игвик. Я не привык к таким изысканиям. Товар, цена - по рукам или разошлись. Вот и весь разговор.

- Да-да, лорд де Врисс. Я наслышан, что вы глубоко деловой человек.

- Вот и давайте по делу. Лисы... - хотел опять затянуть Алистер, но Игвик оказался шустрее.

- Историю, лорд де Врисс, не перепишешь и мечом не проткнёшь. Находились смельчаки, что жгли старые книги, но история... Она на устах у народа, и рано или поздно книгу восстаноят и всё встанет на свои места. История любого древнего рода - крайне прелюбопытнейшая вещь, а уж история рода королевского тем более. Вот, извольте, я зачитаю вам кое-что, и вы сами быстро поймёте, к чему я клоню.

Хранитель традиций просеменил к большому дубовому столу, заваленному пыльными книгами в богатых, хоть и потрёпанных веками, переплётках. Открыв самую верхнюю на заранее заложенной странице, старик выдохнул и начал водить гусиным пером по строчкам, громко декламируя:

- Век первый от восхождения на престол Свена Светлоозёрного, короля запада и востока, севера и юга. И было у короля три сына. Старший был женат на принцессе Идвальге, дочери короля Эльриха Темноокого из Королевства за Морем, и оставил после себя пятерых детей. Средний погиб, свалившись в колодец, и потомства не оставил. Младший обручился с дочерью королевского глашатая и потому лишился права наследования престола. Умер на седьмой день после венчания, подавившись куриной костью. Жена его, помимо титула принцессы Светлоозёрной, получала по праву наследования десять шкатулок золотом, рубинами, сапфирами и жемчугом. После двух недель скорби по мужу бежала вместе со всеми шкатулками в Королевство за Морем, где тут же обвенчалась с торговцем устрицами.

Слушая хранителя, де Врисс нервно барабанил подушечками пальцев по ручке кресла, но вмешиваться пока не торопился, лишь изредка недовольно косился в сторону короля, который, казалось, и не следил за беседой, а предпочитал разглядывать ногти на руках.

- Другой случай. - Игвик перевернул с два десятка страниц. - Век третий от восхождения на престол Свена Светлоозёрного, короля запада и востока, севера и юга. На престоле королева Мелария, и рядом с ней её дети: сын Раван и дочь Летира. Раван, как наследник престола, женится на леди Ирении из Медовых пустошей. Летира же по любви выходит замуж за придворного композитора. Спустя десять дней принцессу Летиру находят мёртвой. Причиной смерти стал шёлковый шарф, неудачно обвившийся вокруг горла и зацепившийся за ветки деревьев во время королевской охоты. Супруга принцессы Летиры едва сумели утешить и оставили при дворе советником кронпринца с пожизненным жалованием в тысячу золотых в год и титулом маркиза. Через неделю вдовец женился на сестре поварихи. А вот и третий случай.

Игвик послунывил указательный палец и открыл новую страницу.

- Век шестой от восхождения на престол Свена Светлоозёрного, короля запада и востока, севера и юга...

- Вот только уже без запада, - грубо прервал Алистер, лицо которого было чернее тучи. - Смоляные горы вышли из состава Озёрного края как раз в этом веке. Впрочем, вы можете не продолжать. Я уже сыт по горло вашими примерами и понял, к чему вы клоните. Да, мы простые люди. Мой прадед, мой дед, мой отец, я, моя покойная жена и моя дочь - мы жизни не знали и не знаем без труда. Все своё детство я провёл на коленях, но не в поисках милостыни, а в огороде за прополкой картошки, пока отец таскал тюки с войлоком. И лишь благодаря труду и своему характеру, а не подачкам от избалованных господ, я заработал свою первую золотую монету. Моя дочь всегда была со мной рядом. Она знала годы лишений и бедности, она знает и цену каждой ниточке на её платье. За Арлину я даю половину своего состояния и не позволю кому-либо тыкать меня носом в давно прогнившие сказки прошлых веков.

- Что вы, что вы! - Театрально всплеснул руками Игвик. - Никто и не собирался вас никуда тыкать. Уж нам известно, каким трудом далось вам всё ваше богатство. Но вот в шестом веке был весьма неприятный случай, когда принц, хоть и не наследный, женился на девушке простой, хоть и не бедной. И больше месяца не протянул, помер. А был полностью здоров, бодр и свеж лицом. Лекари списали всё на несварение желудка. Дескать, съел принц чего-то несвежего и не выдержал. Только потом, года два спустя, обнаружили, что этим несвежим был отвар травы черноголовки, который молодая супруга подливала принцу в вино за ужином. Но было уже поздно. Принца не стало, а за миледи на всю жизнь закрепился титул принцессы и земли Солнечного перешейка.

- Это уже переходит всякие границы, - начинал закипать, словно вода на солнцепёке, Алистер. - Репутация де Вриссов ничем не запятнана. Спросите у любого купца от запада до востока, от юга до севера, с кем предпочитают вести дела. Каждый скажет, что де Вриссу доверяет больше, чем самому себе. Каждый грош в моём капитале дался мне честно, без обмана и без ножа в спину.

- Мы верим вам, лорд де Врисс, - лебезил седовласый старик, бросая косые взгляды на задремавшего правителя, вмешательство которого было бы сейчас как нельзя кстати. Ведь ещё одно слово, и де Врисс врежет кулачищем прямо хранителю в лоб. - Но книги говорят об обратном. Каждый третий век случается свадьба между представителем королевского рода и выходцем из народа. И каждый раз брак заканчивается печально для члена королевской семьи - принц или принцесса скоропостижно умирают. А что получают их супруги? Золото, драгоценные камни, благородные титулы, земли и красивую жизнь.

- Моей дочери ни к чему ваше вшивое золото! - процедил Алистер, вскочив на ноги. - Я сам могу купить всё ваше королевство, и вы ещё останетесь мне должны.

Дремавший король вздрогнул и приоткрыл один глаз. Увидев раскрасневшееся лицо Алистера, поправил сползшую на нос корону, перевёл взгляд на Игвика и спросил:

- Договор подписан?

- Что ещё за договор? - скривился де Врисс, брезгливо принимая бумаги от советника. Развернул, пробежал глазами по изящно выведенным буквам и швырнул на пол. - Неслыханное хамство! Так нашу семью ещё никто не оскорблял!

- Ты забываешься, Алистер, - резко оборвал де Врисса король. - Ты во дворце и разговариваешь с королём. Так веди себя достойно, а не как на дешёвом базаре.

Эти слова сработали, как струя холодной воды, выплеснутая на голову из ушата. Де Врисс перевёл дыхание и выпалил:

- А вы считаете этот договор достойным короля? Особенно вот это! - Алистер поднял бумаги, пошуршал ими в поисках нужной страницы и, найдя то, что хотел, начал читать, сильно волнуясь и сбиваясь: - «В случае каких-либо происшествий, непредвиденных и необъяснимых, с принцем Мартаном Светлоозёрным, его супруга, наречённая в девичестве Арлиной де Врисс, обязуется незамедлительно покинуть дворец, отказаться от всех титулов, причитающихся ей с момента вступления в брак, от земель Мшистой долины, от всех королевских привилегий, а также предметов роскоши, монет золотых, серебряных и медных, украшений и прочего имущества, полагающегося ей как супруге принца. К происшествиям, непредвиденным и необъяснимым, относятся удушение, отравление, оглушение, ранение или любое другое действие, могущее повлечь за собой неминуемую и скорую смерть. С вышеизложенным полностью согласен, претензий обязуюсь не предъявлять, на земли и королевские ценности не претендовать, а также в качестве компенсации поставить к королевскому двору товар стоимостью в двести тысячи золотых». И далее ещё раз о том же и в том же духе.

Алистер снова швырнул от себя бумаги и ненавидящим взглядом вперился в его величество.

- В своей жизни я обо многом договаривался. С шарлатанами и честными торговцами. Но ни в одном договоре не было столько оскорблений, как в этих бумаженциях.

Конри III непонимающе развёл руками.

- Ты должен и нас понять. Хранитель Игвик гадал на лунном свете и пришёл к выводу, что история повторяется каждые три столетия. Сейчас на дворе девятый век, и моему сыну вдруг взбрело в голову венчаться с простолюдинкой. Я - король и меньше всего на свете хочу, чтобы история запомнила моего сына таким же образом, каким и моих легкомысленных предков.

- Моя дочь любит вашего сына. Вы же видите, как она смотрит на него - едва дышит.

- Тогда я не понимаю, откуда столько возмущения и сомнений? Если это истинная любовь, а не брак ради титула и богатства... - король осёкся, увидев, как недобро сверкнули глаза Алистера де Врисса при слове «богатство». - Не забывай, Алистер, что вместе с браком ты и твоя семья получаете титул, земли, которые сможете передавать по наследству, а твоя дочь будет вхожа в любой королевский дом в нашем мире. Её везде будут принимать с королевскими почестями.

- За Арлиной я даю половину своего состояния. И вторую его половину после моей смерти. Этого мало?

Король причмокнул губами.

- Мы обсуждали это с его величеством, - вкрадчиво вставил доселе молчавший Игвик, - но никакое золото на свете не даст вашей дочери корону принцессы Озёрного края, не выйди она замуж за принца Мартана. А корона принцессы откроет двери во все правящие дома Бескрайнего мира. Подпишите договор, лорд Алистер. Мы будем спокойны, что репутация королевского рода не пострадает, да и вам бояться нечего - брак ведь заключается по любви.

Де Врисс не отвечал. Молчал и медленно водил челюстью, будто что-то тщательно пережевывал.

- Мы всего лишь хотим защитить честь королевского рода, - развёл руками Игвик, не зная, какие ещё козыри использовать, чтобы убедить торговца.

- А ваш договор оскорбляет честь моего рода. Я не могу это подписать. Я знаю, что моя дочь искренне любит вашего сына и жизни не мыслит без этого смазливой мальчишки, но договор я не подпишу.

- Нет договора - нет и свадьбы, - подытожил Игвик.

- Значит, сделка была изначально невыгодная, - резко ответил де Врисс, откланялся перед королём и загремел сапогами в сторону дверей.

- Вы уверены, Алистер? - окрикнул торговца Игвик, нарочито пропуская слово «лорд».

- Лисы гниют, - было ему ответом.

Двери за Алистером де Вриссом захлопнулись быстро, и в королевской библиотеке воцарила умиротворённая тишина, так кстати располагающая к чтению. Вот только читать никто не собирался. Король снова расслабленно осел в кресле и считал мух, летающих вокруг огромной, свисающей с потолка люстры, насчитывающей несколько десятков свечей.

Хранитель традиций Игвик, поджав губы, бережно складывал книги и убирал их на полки, занимавшие в комнате большую половину места. Громко шаркая ногами, он носил тяжёлые фолианты по одному медленно и осторожно, боясь повредить не то чтобы страницу, но даже уголок. Когда же со всеми томами было покончено, изможденный старик плюхнулся в кресло, в котором ранее сидел де Врисс, и прокаркал:

- Прикажите отменить приготовления к свадьбе?

Король перевёл взгляд с мух на Игвика, поморщился и лениво протянул:

- Нет нужды. Алистер хоть и упрям, но не дурак. Вернётся и всё подпишет, не будь я Конри III из рода Свена Светлоозёрного.

- Вы так уверены, ваша милость?

- Алистер спит и видит собственный герб на своём расписанном золотом экипаже. Его дочь без памяти любит моего сына и мечтает стать его женой, чтобы регулярно получать приглашения на чайные посиделки, что проводит леди Эмилия, супруга маркиза Штолля. Всем известно, что в Белой гостиной маркизов за чаем собираются только леди.

- Да услышат боги ваши слова. Вчерашним вечером придворный казначей сетовал, что казна опустошается быстрее, чем пополняется. Половина состояния Алистера де Врисса могла бы залатать всю дыру.

- И залатает, - уверенно произнёс король. - Не взойдёт и луна на небосвод, как договор будет подписан.

Старик ничего не ответил, только пробормотал что-то едва различимое себе под нос и тяжело вздохнул.

Глава 4. Под покровом ночи

Чёрное, белое, чёрное, белое... Сменяется каждую секунду.

Он бросает на неё последний взгляд и срывается вниз. Ей бы схватить его за руку, потянуть на себя, но пальцы слишком скользкие, не справляются. Он падает, а ей остаётся только кричать изо всех сил. Кричать так, что закладывает уши, что вороны разлетаются в страхе, а она сама... вздрагивает, открывает глаза, обливается холодным потом и тяжело дышит.

Арлина вскочила с постели.

Тот самый сон. Одно время мучал каждый день, потом прекратился, словно затаился, и вот опять повторяется, издевается до слёз и дрожи. Нервы? Мадам Шеврон так и сказала. А она много повидала в жизни и дело говорит.

Конечно, всему виной нервы, не иначе. До свадьбы всего ничего. Дни пролетят - не заметишь. Нервы, чтоб их. А ещё отец домой вернулся - лица нет. Вымотанный, бледный, будто не товар принимал, а сам, как в юности, мешки на спине таскал. Не снял ни провонявшего лисьим жиром и дешёвым табаком кафтана, ни вымазанных в клейкой смоле сапог, ни рукавиц, какими хватает ящики, чтобы подсобить грузчику-другому. Только рухнул на стул, придвинул к себе крынку с молоком и жадно отхлебнул, будто целый день во рту и капли не было. Провёл немытой рукой по засаленным редющим волосам, пригладил острую бородку и уставился на догоравшую свечу.

Гробовая тишина пугала. Но неудивительно - дом де Вриссов стоял на окраине столицы. Это на центральной площади Атоля вечно тянули песни, сбивали в танцах башмаки, махали пёстрыми юбками и завлекали лихо подкрученными усами. Здесь же, в северной части большого города, начинались Мшистые пустоши, при дворе красиво именуемые долинами. Здесь и решил обжиться Алистер де Врисс, сумев уместить на крохотной территории сада не только фонтан, но и дюжину розовых кустов, не говоря уже о редких в этих местах шапках вечно цветущего кочехвоста. С балкона второго этажа каждый вечер смотрел он на горизонт, на бескрайние просторы долин и терпеливо ждал того дня, когда объявит себя их полноправным хозяином. И ждать оставалось немного.

Медленно спустив ноги с кровати, Арлина коснулась ступнями холодного пола, поёжилась, но не остановилась. Взяв с комода догоравшую свечу, подошла к окну и посветила. Но в мутном стекле в такую ночь ничего не разглядишь. Только саму себя: растрёпанную, с широко распахнутыми глазами и дрожащими губами. В эту минуту она напоминала испуганного ребёнка, наказанного нянькой за шалости и запертого в огромной тёмной комнате. Повсюду мерещилось нечто страшное и клыкастое, а из-под кровати и платяного шкафа вот-вот норовили вылезти чудища и кривыми лапами схватить за волосы.

Вот и за стенкой теперь зашевелились и заскреблись, будто выцарапывали камень крошка за крошкой, прокладывая себе проход в соседнюю спальню. И собака заскулила совсем рядом пронзительно и тоскливо. Но собак де Вриссы не держали, а крестьянские дома были далеко. А, может, и не собака вовсе, а голодный волк? Подобрался чёрной ночью к хибарам прислуги в надежде на лёгкую добычу. Деревень ему мало? Или у деревенских мужиков всегда наготове заряженные ружья в отличие от потерявшей бдительность знати? Отец никогда не держал в руках ничего серьёзнее ножа. А тот годился только мешок холщовый прорезать, чтобы проверить свежесть и терпкость завозимого розового перца.

Мысли об отце вернули Арлину на несколько часов назад и этажом ниже. Что он говорил, когда прихлёбывал молоко, даже не сплёвывая тягучую сливочную пенку? Арлина и разобрать не смогла, но взгляд отца хорошо запомнила. Тяжёлый, подозрительный, уставший.

Последний раз он так смотрел, когда Арлина была ребёнком. Когда он долго копил деньги на новый дом и тёплую одежду к зиме, складывал монету к монете, а потом все накопления разом сторели. Наколел начинающего торговца ловкач из-за Тихого моря. Стелил заманчиво и ласково, деньги прикарманил и пропал - исчез, словно в морскую воду канул. В те дни отец не спал ночами. Не спал он и сегодня, более десяти лет спустя, но причину Арлине не сказал. Он вообще не проронил ни слова, когда зашёл в дом. Грязных сапог даже не протёр - завтра дорогие ковры будут в глине. Швырнул на стол свёрнутые в трубочку бумаги, цыкнул на дочь, чтобы та немедленно шла к себе, и долго сидел в одиночестве при свете одной лишь растущей луны.

Арлина слышала, как позже он поднялся в спальню - лестница привычно скрипнула на пятой ступеньке снизу. Слышала она, как он гроыхнул тяжёлой дверью и бухнулся на кровать. А Арлина и глаз не могла сомкнуть. Но силы не бесконечны, и девушка сама не заметила, как уснула.

Чёрное, белое, чёрное, белое... Сил больше нет.

Чёрное, белое, чёрное, белое... Словно в колокол бьют.

Чёрное, белое, чёрное, белое... Вспыхивает, гаснет и снова вспыхивает.

Арлина поёжилась, тряхнула спутанными волосами, накинула на плечи кружевную накидку и, сунув ноги в недорогие, предназначенные исключительно для ношения в доме, башмаки, взяла свечу и тихонько спустилась вниз.

В небольшой столовой всё осталось так, как было несколько часов назад: полупустая крынка со скисающим молоком, кафтан отца, через какое-то время снятый и перекинутый через спинку стула, свечной огрызок, годный только, чтобы в комнате осмотреться, свёрнутые в трубочку бумаги, перевязанные толстой бечёвкой. Такой бечёвкой крутят мешки на складах - не иначе она оттуда.

Тоненькая рука сама потянулась к свиткам. Холодные пальцы взволнованно затеребили крепкий узел - не поддался. Свиток только выскользнул из рук и упал на пол. Подняв похрустывающие бумаги, Арлина вцепилась в узел зубами. Солёная бечёвка и не думала растягиваться.

- Дай, - услышала девушка, и на стене напротив выросла исполинская тень отца.

В тускло освещённой комнате не было видно неловкого румянца на щеках, иначе Арлина тут же отвернулась бы. Протянув отцу свитки, она молча наблюдала, как ловко он расцехлил прикреплённый к поясу нож и чикнул им по толстым перекрученным верёвкам, развернул бумаги и швырнул их на стол.

- Читать второй раз нет никакого желания.

- Из-за них ты такой сегодня? Проблемы на складе?

Алистер поджал губы и недовольно заскрипел зубами. Поднёс свечу дочери к воткнутой в тяжёлый медный подсвечник пятёрке других свечей, и в комнате сразу стало ярче.

- Ты ещё не передумала? - Отец обернулся к Арлине, и та увидела, каким бледным было его лицо.

- Не передумала?

- Тебе действительно нужен этот королевский оболтус? Может, лучше выйдешь замуж за сына Бена Седдона? У их семьи отличный годовой доход от продажи рыбы. И пёс с ним, с принцем.

- Отец! - негодуя воскликнула Арлина. - Как ты можешь?

- Сын Бена Седдона с рассвета на ногах. Я много раз наблюдал за тем, как он трудится. Ответственный малый, хоть и заикается. И ты ему нравишься, он на тебя, как кот на селёдку, смотрит. Хороший из него зять выйдет. Деловитый.

- Что в бумагах? - Арлина резко перебила отца и кивнула в сторону свитков, не решаясь к ним прикоснуться.

- Королевский бред, - фыркнул Алистер.

- Отец! - Арлина требовательно повысила голос.

- Они, видите ли, считают нас третьим сортом. Протухший сыр и тот заслуживает больше доверия, чем наша семья.

- Вы были сегодня у короля? Что-то не так с нашей свадьбой с Мартаном?

- Что-то не так с королём, - буркнул Алистер. - В голове не мозги, а семечки. Тыквенные. Знаешь, что он от меня потребовал?

Арлина вопросительно смотрела на отца, ожидая объяснений.

- Гарантировать, что с его благородным сыночком ничего не случится, если он женится на тебе! Что он, видите ли, не окочурится раньше, чем сможет завести потомство.

Арлина вздрогнула. Под ложечкой неприятно засосало.

- Я не хочу смерти Мартана, - пролепетала еле живая Арлина.

- Вот и я пытался это же донести королю, - Алистер остановился и нежно посмотрел на дочь. - Но разве в его тыквенной голове уложится, что простые люди тоже могут быть честными? Он тыкал меня носом в книги, от которых веет не столько мудростью, сколько могилой, и требовал поставить подпись под договором.

- Ты подписал?

- А, может, тебе выйти замуж за младшего брата маркизы Эмилии Штоль? Плевать, что парню всего тринадцать. Подождём, он подрастёт, там и обстригаем всё красиво. Маркиза согласится. Сегодня мне завезли лисьи меха - я подарю ей половину. Пусть сошьёт себе хорошую шубу - её нынешняя сильно истрепалась.

- Так ты подписал? - не сдавалась Арлина.

- Но сынок Седдона всё же лучше молокососа-маркизишки.

- Отец!

Де Врисс притянул к себе дочь и обнял её за плечи.

- Я знаю, ты любишь этого королевского выскочку.

- Я любила бы его даже, будь он простым подмастерьем.

- Но он принц.

- И разве это плохо? - девушка мечтательно улыбнулась. - Я с колыбели мечтала стать принцессой. Воображала себя в роскошных нарядах и короне. И все вокруг целуют мне руку, кланяются и говорят «ваше высочество».

- Я куплю тебе наряды во сто раз лучше, чем у принцессы. А корону закажу у самого известного ювелира. На ней будет больше бриллиантов, чем у самой королевы.

- Но в глазах знати мы так и останемся «торговцем и его дочерью». Ты всегда говорил, что нельзя вечно топтаться на одном месте. Надо идти вперёд. Мой брак - это шанс для всех нас. Шанс встать наравне с лучшими домами мира, быть вхожими в высшее общество. Хватит быть простым делягой, отец. Тебе уже давно пора стать лордом.

Де Врисс слушал дочь и мягко улыбался. Затем провёл по её спутанным волосам и поцеловал в лоб.

- Я знал, что ты так скажешь, поэтому всё подписал. Свадьба в это полнолуние. Люди говорят, звёздный феникс в этот раз будет несказанно красив.

Арлина прижалась к отцу, слушая его ровный тихий голос. Всё было так, как в детстве, с той только разницей, что тогда она сидела на его коленях и держала в руках тряпичную куклу, а сейчас готовится уйти из семьи и стать женой принца. Даже пахло от отца так же, как и много лет назад: ветром, деревянными ящиками, холщовыми мешками и звонким металлом, знавшим ни одни руки и ни один кошель.

- Плевать мне на этих лордов и иже с ними, - произнёс Алистер. - Мне важно лишь твоё счастье. Хочешь, будет тебе Седдон; хочешь - мальчонка-маркиз.

- Я хочу того, кто был указан мне звёздами.

- Как скажешь. Но если пожелаешь отравить его после свадьбы, я возражать не буду.

- Я могу прочитать? - Арлина потянулась за свитками.

- Читай, только смотри не ослепни. Ереси хуже, чем эта, я не встречал. А я спать пойду. Может, усну.

Дождавшись, когда тень отца исчезнет в дверном проёме и по привычке скрипнет пятая ступенька, Арлина кинулась к бумагам и впиалась глазами в каждое слово, каждую букву, каждую закорючку. С каждой новой страницей её взгляд мрачнел, а морщинка на переносице удлинялась. Хрустящая бумага жгла пальцы, на лбу выступили солёные капли, а по телу прошла жаркая волна, румяня свёклой щёки и заставляя сердце биться часто-часто.

Перед глазами молнией вспыхнул недавний кошмар. Прорезал мысли, словно острым ножом, и заплясал на каждой скрупулёзно выведенной букве. Последние повскакивали с мест и, будто сговорившись, начали плясать, перескакивая друг через друга и складываясь в одно единственное слово, от вида которого руки Арлины затряслись, и свитки полетели на пол.

Озираясь по сторонам и перескакивая через ступеньки, девушка ринулась в свою комнату. Ворвавшись в тёмную спальню, села на край кровати и отдышалась. Но стоило новым страхам заскрестись под кроватью, как Арлина тут же вскочила на ноги и заметалась по комнате.

Распахнув дверцы платяного шкафа, девушка выволокла оттуда все пышные платья и швырнула их на пол. Нашупала за ними старые штаны, в которых работала на грядках и лазила через забор, и такую же старую, в неотстирываемых пятнах, тунику. Скинув с себя ночную рубашку, натянула затхлую одежду и с неприятным удивлением обнаружила, что та стала слишком мала. Щиколотки безобразно выглядывали из штанин, раздражая Арлину белизной кожи и смущая юношеские взгляды, если бы, конечно, в комнате были юноши.

Туника тем более пришлась не по размеру. Она так сдавливала грудь, что Арлине казалось, либо она сейчас задохнется, либо туника пойдёт по швам. Её мысли были услышаны, и при первом же движении раздался лёгкий треск. Арлина выдохнула с облегчением - полностью швы не разошлись, зато дышать стало свободнее.

Закутавшись в плащ цвета мыши-полёвки, девушка закрутила волосы в тугой пучок на затылке и накинула на голову капюшон. В отличие от штанов, плащ оказался длинным и на удивление хорошо скрывал ноги.

Лишний раз проверив завязки, Арлина осторожно выглянула из комнаты в коридор. Обнаружив там лишь темень и тишину, выскользнула за дверь и начала осторожно красться в направлении лестницы. Ей повезло - пол почти не скрипел.

Добравшись до лестницы, девушка сняла башмаки. Те хоть и были разношены и удобны, но новые набойки стучали так, что дятлы завидовали. Злополучная пятая ступенька - Арлине пришлось растянуться так, что она еле удержала равновесие.

Наконец, лестничное препятствие осталось позади, но впереди был ковёр, и голая нога Арлины не упустила шанса наступить на что-то холодное и вязкое, основательно размазанное и дурно пахнущее. В памяти тут же всплыли сапоги отца, но один вздох - и все проснутя.

Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, девушка, не долго мешкая, оторвала полоску от одной штанины и протёрла ступню. Теперь оголена была не только щиколотка, но какая разница, если плащ до пят? Оставив грязную тряпку на ковре и надев башмаки, Арлина поспешила к входной двери, а затем и к воротам.

Прошмыгнув за калитку, девушка тихонько прикрыла дверцу за собой и повернула ключ в замке, как и положено, три раза. С внутренней стороны, правда, засов остался незадвинутым, но Арлина была уверена, что до рассвета вернётся.

Ноги быстро бежали по пустым окраинным улицам, а с приближением к оживлённым центральным перешли с бега на торопливый шаг, а потом и вовсе пошли неспешно. Приблизившись к центральной арке, девушка нырнула в неё и, пройдя немного вперёд, оказалась на широкой, непривычно светлой для ночи, площади, на которой никогда не было пусто.

Люди не спали. Парочка влюблённых сидели прямо на холодной земле, поджав ноги, и обнимались. А кругом веселились, балагурили, хохотали и хором пели песни мужчины и женщины: дневные попрошайки, калеки и нищие. Их завидное ночное веселье не шло ни в какое сравнение с дневным убожеством и завыванием. Видимо, человек так устроен, что в одной среде он играет одну роль, а в другой - другую.

Арлина вздрогнула. Прямо за её спиной взорвался столп искр и громко заулюлюкали мальчишки. Гоняясь друг за другом, они шлёпали по сырой от вечернего тумана земле и задорно горланили:

Раз прекрасная Арлина
Вышла в город погулять.
Ей пройтись хотелось чинно,
А пришлось наряд порвать.

- Эй, тётяшка, вы чего? - взвизгнул самый лохматый после того, как Арлина, не сдержавшись, схватила его за ухо. Другие пацанята тут же замерли на месте и недоуменно уставились на девушку, пытаясь разглядеть её лицо.

Опомнившись, Арлина тут же разжала пальцы, опустила руку и, стараясь заглушить громкое биение сердца, протараторила:

- Где мне найти Лачтну?

- Гадалку? - переспросил мальчуган, потирая опухшее ухо. - Вона-а её фургончик! Я видел, она ещё не спит.

Арлина быстро развернулась и заторопилась туда, куда показал беспризорник. Задержись она с мальчишками ещё секунду - опухло бы второе ухо, так как сорванец сразу затянул новую частушку, в которой нос Арлины был немногим краше клюва цапли.

До цирковых фургончиков было недалёко, и Арлине пришлось не слишком долго увязать каблуками в земле, чтобы добраться до них. На одном из фургонов был яркими красками намалёван хохочущий клоун, на втором - пурпурный магический шар, весь в сверкающих молниях. А из самого центра шара на Арлину смотрели по-кошачьи загадочные салатные глаза.

Тихонько-тихонько, почти крадучись, девушка приблизилась к нужному фургончику и встала, как вкопанная. Постучать или сразу потянуть на себя дверь и бесцеремонно войти? Скорее всего последнее, ведь она уже почти леди. А леди не стучат в жилища тех, кто и двух букв криво начертать на может.

Определившись с выбором, Арлина потянулась к дверной ручке, но схватила пальцами воздух и чуть не приложилась носом о пол. Дверь отворилась секундой ранее, а на пороге стояла недавняя цыганка и хитро улыбалась уголками губ при виде продрогшей от ночного холода девушки. Цветастая юбка с левой стороны была задрана, и её край был заткнут за пояс, обнажая красивую ногу, обутую в совершенно безобразный башмак со сбитым носом.

- Я знала, что ты придёшь, - медовым голосом пропела Лачтна, тряхнув бусами из морских ракушек, и отступила от двери, пропуская Арлину внутрь.

В тесном фургончике было не пройти и пахло свечным воском и пряной гвоздикой. Шаг от двери - и сразу натыкаешься на маленький круглый столик, на котором лишь крошки и деревянная кружка с кофейной кашицей на дне. Около столика два стула, оба жёсткие, с рваной потускневшей обивкой, хотя, верно, были времена, когда эти стулья красовались в домах знати, пока при очередной смене мебели не были выброшены на помойку. Внизу под столом чего только не было: тканевые мешки, забитые до отказа, шкатулки с бусами, стеклянными кристаллами и скользкими гадальными шарами. Был там даже лунный шар, с одной стороны яркий, с другой - затемнённый, загадочный, как и сама луна.

- Сон измучил? - понимающе спросила Лачтна, смахивая со стола на пол следы недавнего ужина и отодвигая для Арлины один из стульев - тот, ножка которого сильно шаталась.

Неуверенно, но чувствуя, но так и надо, Арлина сняла с себя плащ и, аккуратно свернув его, присела на краешек стула. Тот тоскливо скрипнул. Ойкнув, девушка заскользила глазами по фургончику, лихорадочно соображая, как правильно начать разговор.

Рассмотреть, что хранилось в тёмных углах, было невозможно. Но явно, всё, что цыганка смогла найти за всю свою жизнь и что было бесхозно, теперь нашло себе место в этих четырёх стенах. Там и дырявая перина, и перьевые подушки, а на перине ещё мешок огромный, в который при желании человек поместится. Арлина слышала, что цыгане воруют детей - может, этот мешок как раз для такого случая? От этих мыслей Арлина вся похолодела, а следом тут же покраснела, чувствуя на себе пристальный взгляд цыганки.

- Ты же не стены мои сюда рассматривать пришла. - Прошуршав юбкой, Лачтна развалилась на стуле напротив и закинула ногу на ногу. - Протяни руку.

Арлина послушна протянула обе.

- Ничего не изменилось. - Лачтна откинула назад спустившуюся на высокую грудь прядь чёрных волос и внимательно всмотрелась в линии на руке. - Вижу тебя в белом платье. Фата длинная, как лесной тракт на Озёрный край, жемчуг вокруг шеи и обручальное кольцо на пальце. Вижу суженного твоего рядом. Вижу свадьбу вашу на звёздного феникса, а дальше только тьма, вдовье платье и горькие слёзы. Счастье не будет долгим. Вскоре после свадьбы потеряешь ты мужа, и воцарит в твоём сердце пустота.

- Ты говорила тогда на площади, что есть выход, - торопливо перебила Лачтну Арлина.

- Говорила. - Гадалка провела грязным ногтем по линии на левой руке девушки. - Дашь золотой - раскину ещё и карты.

Руки сами, словно по чьему-то приказу, потянулись к мешочку на поясе и вынули монету, а следом ещё одну. Арлина сама не понимала, как так произошло, но вот они, оба золотых, позвякивают и сверкают на грязной руке Лачтны.

Спрятав монеты в многочисленных складках юбки, гадалка нырнула под стол, вытащила оттуда большой малиновый шар, водрузила его на стол и сдула с него такой слой пыли, что Арлина не удержалась и чихнула. За шаром последовала колода карт, старая, потрёпанная, со стёртыми картинками.

Ловкие пальцы начали с карт, вытаскивали из колоды одну за другой, поворачивали рубашкой вниз и клали на стол. Ярко окрашенные губы шевелились и бормотали что-то неразборчивое, чёрные вьющиеся волосы упали на лицо, но в этот раз Лачтна была сосредоточена и не обращала на них никакого внимания. Закончив с картами, она задумчиво покачала головой и коснулась ладонью шара, который тут же вспыхнул ярко-малиновым светом и начал медленно вертеться.

Сколько ни всматривалась, Арлина ничего не смогла увидеть в шаре, но Лачтна впиалась в него хмурым взглядом и в сторону Арлины даже не смотрела. А когда, наконец, подняла голову, то выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

- Всё так плохо? - вырвалось у Арлины.

- Не выходи замуж, и не умрёт твой любимый. Женится со временем на другой, забудет тебя, но жив будет, а, возможно, будет и счастлив. Не придётся тебе надевать платье вдовье, но и белого больше никогда примерить не удастся.

- Это не выход, - возмутилась Арлина. - Мы с Мартаном созданы друг для друга. Я жизни своей не смыслю без него.

- Но иначе смерти не избежать. Смерть не хворь, лекарства от неё ещё никто не придумал.

- Есть один такой шибко умный.

Хриплый и замогильный голос, будто вырвавшись из сырого, покрытого гнилью подземелья, прорезал тьму. Арлина вздрогнула, взяла со стола свечу и, подавшись вперёд, посве-

тила в сторону голоса. В углу, заваленном тряпками, лентами, бантами, павлиньими перьями, меховой шапкой и дырявым глобусом, полулежал, скрючившись, старик. Весь в лохмотьях, в обнимку с обшарпанной деревянной палкой, он морщился от яркого света и беззвучно шевелил губами.

Арлина подозрительно прищурилась. На мгновение ей показалась, что она уже видела его ранее, но где и когда, вспомнить не могла.

- Кто ты такой? - гордо вскинув голову, крикнула она.

Повелительный тон призывал подняться и отвесить с дюжину поклонов. Но старик не шелохнулся, а только вскинул сухую морщинистую руку, заслоняя чувствительные глаза от света свечи.

- Кто ты и как смеешь подслушивать? - громко повторила Арлина.

- Это я его сюда привела, - поспешила вмешаться Лачтна, забирая свечу у Арлины и возвращая её на стол. - Бедному нищему осталось недолго. До весны хоть бы протянул. Уже которую неделю вижу его на площади: спит в подворотнях, питается объедками, да мальчишки ещё издеваются, собак на него натравливают. Вот и решила приютить его - ночи сейчас, чай, не летние.

- Он слышал нас, - упрямилась Арлина. - Он слышал всё, слово в слово!

- Слышал, - прохрипел старик, - и знаю того, кто может помочь.

- Что может знать нищий старикашка?! Подслушал мои откровения и теперь хочешь сыграть на этом?

Старик опёрся на деревянную палку, поднялся, кряхтя, и вышел на свет.

- Я тебя знаю! - воскликнула Арлина, отстраняясь от нищего. - Ты тот самый мерзкий побирушка, который порвал мне платье.

- Я смотрю, тебе понравилось, - огрызнулся старик, покосившись на голые ноги девушки, выглядывающие из которых штанин.

- Хватит паялься, - прикрикнула Арлина, распрямляя плащ и накрывая им ноги. - Говори, что хотел.

- Ты слышала о Смоляных горах? О замке, что стоит на краю обрыва?

- Отец говорил, земли скудные и нет там ничего примечательного.

- Ничего примечательного, кроме вечного мрака, холода и вороньего карканья. С давних пор в тех землях хозяйничает некто Тайернак. Правит там уже невесть сколько лет и всё никак не помрёт.

- Враки! Никто не может жить вечно.

- Человек не может, - согласился старик, - но лорд Тайернак и не человек вовсе. Его земли обходят стороной и звери, и люди, а его самого называют злым колдуном. Говорят, тёмные делишки творит. Очень тёмные.

- А ему по силам победить смерть? - Арлина была настолько на своей волне, что слова о тёмных делах и людском страхе пропустила мимо ушей.

- Я однажды видел, как он оживил лягушку. Взял пузырёк с верхней полки, капнул мёртвой твари на голову - та сразу и ожила и тут же языком муху поймала.

- Принц - не лягушка, - мудро вставила Лачтна.

- Да какая разница, - со знанием промычал старик. - Просто на принца побольше эликсира потратить придётся.

- Мне нужен этот эликсир, - деловито сказала Арлина. - Ты, - она посмотрела на нищего, - отправляйся к тому колдуну и принеси мне снадобье. Скажи, я щедро заплачу - не будь я Арлина де Врисс.

Старик недоуменно крякнул.

- Лорда Тайернака уже пять лун как нет в замке и не будет до начала следующей осени. Некому будет зелье мне передавать.

Арлина вцепилась холодными пальцами в ткань плаща.

- Значит, нужно добыть эликсир без его разрешения. Ты видел, как он вернул к жизни лягушку. Значит, ты был в его замке?

Старик кивнул.

- Я много лет горбатился на него, выращивал травы для настоек и снадобий, заработал грыжу и был выгнан. Теперь я здесь.

- Значит, ты знаешь, где стоит нужный мне пузырь?

- Западная башня, ореховый шкаф, девятая полка снизу, прямо между раствором фиалки и огуречным рассолом.

- Иди и принеси! - распорядилась девушка. - А я взамен прощу тебе то, что ты сотворил с моим платьем.

- Выкрасть? - возмутился старик.

- Позаимствовать, - поправила девушка. - Если не пригодится, вернёшь.

- Э нет, милочка. Тебе нужно - ты и иди. Ищи лорда Тайернака, где хочешь, и сама проси его помочь тебе.

- Ты не понимаешь, с кем разговариваешь. Когда я стану принцессой, а мой отец - лордом и хозяином Мшистой долины, мы отблагодарим тебя и подарим тебе дом и землю. У тебя будет и кров, и пропитание. Де Вриссы могут многое, если выполнять их приказы.

- Вот только ни дом, ни земля мне не пригодятся, если разгневанный колдун решит в отместку превратить меня в головастика.

- Скажешь, что исполнял мою просьбу. Пусть он говорит со мной, принцессой Озёрного края, и посмотрим, кто возьмёт верх.

- Нет, - покачал головой старик. - Гнева бывшего хозяина я боюсь больше, чем хочу обзавестись домом. Ты уж сама, дорогуша, а мне и на улице хорошо спится. Спасибо, красавица, что приютила, - старик отвесил низкий поклон Лачтне. - Кофей твой уж большо вкусен. Век не забуду.

«Окочуришься раньше», - промелькнуло в голове Арлины. Недовольная, она встала, накинула плащ, покрыла голову капюшоном и, грубо толкнув старика, вылетела из фургончика.

На освещаемой многочисленными огнями площади продолжала кипеть жизнь. Мальчишек было всё не загнать спать, и самые громкоголосые продолжали орать частушки.

Мой милочка не вышел мордой:

Весь рябой и нос кривой.

Я его отправлю к лорду,

Что живет на Смоляной.

Арлина скривилась, сильнее натянула капюшон на глаза и побежала домой.

Глава 5. Что сказала невеста?

- Берёшь ли ты, Мартан Светлоозёрный из рода короля Свена Светлоозёрного, принц Озёрного края и хозяин севера, юга, запада и востока, в жёны Арлину де Врисс?

- Беру.

Белая гвоздика, воткнутая в петлицу такого же белого камзола, дурманила до пульсирующей боли в висках. Янтарная смола вперемешку с кардамоном и растёртым мускатным орехом кружила голову столь же сильно, как и натирала кожу жёсткая золотая нить, пущенная по рукаву того же самого камзола. Даже перчатка, натянутая по локоть, не спасала - кружево до того тонкое, что, казалось, и перчатки на руке нет. Но Арлина терпела.

Словно подслушав мысли невесты, но только наоборот, Мартан пошевелил рукой - парчовая нитка не преминула воспользоваться шансом и ужалила девушку. На глаза навернулись слёзы, но все присутствующие мигом списали их на свадебное волнение и девичью эмоциональность. А золотая нить и не думала прекращать издеваться: она шла частой змейкой по краю рукава, поднималась выше, закручивалась в петлю, а после раскрывалась нежной озёрной лилией, которая больно цапнет, стоит тронуть её хоть мизинцем. И руку убрать неловко - столько пар глаз смотрят и ловят каждый вдох невесты.

- Обещаешь ли ты быть с ней в радости и печали, болезни и здравии, богатстве и бедности, пока смерть не разлучит вас?

- Обещаю.

Печёные яблоки приправили корицей, да так сильно, что задыхаешься. Сейчас бы лёгкого ветерка с озера, свежести осеннего леса или дождевой прохлады, но вокруг только облака пудры на лицах и париках и тяжёлые ароматы махровых роз, в которых скорее увязнешь, чем растворишься. Ещё и испарина на лбу и шее такая, что веера не помогают. Так и жужжат без толку справа и слева, будто королевский дворец атаковала целая армия длиннокрылых стрекоз.

Мартан завозил локтем - золотая лилия без промедления оставила на коже Арлины мелкую царапину. Когда же церемония закончится и можно будет выдернуть руку и протереть листом подорожника? Говорят, успокаивает.

Хранитель Игвик, видимо, сговорился с безжалостной нитью и не спешил со следующим вопросом, тщательно выжидая момент. Простая случайность или шанс? Или духота влияет?

Краешком глаза Арлина покосилась в сторону отца. Вот он стоит - опять не спал ночь, выбирал шейный платок. Хотел взять жёлтый в мелкий васильковый горошек, но Арлина вовремя остановила. В итоге повязали золотой, как и всё в этот день, начиная от ковровых дорожек и винных кубков и заканчивая треклятой нитью, что шла не только по краю рукава, но и по низу камзола принца. Петляла и вырисовывала по-королевски дивные узоры.

- Берёшь ли ты, Арлина де Врисс, в мужа Мартана Светлоозёрного из рода короля Свена Светлоозёрного, принца Озёрного края и хозяина севера, юга, запада и востока?

Хранитель Игвик, смакуя каждое слово, закончил вопрос и в предверии положительного ответа занёс изящную, усыпанную жемчугом, бело-голубыми аквамаринами и прозрачными, как слеза, бриллиантами корону принцессы над головой бледной безродной невесты.

- Берёшь ли ты, Арлина де Врисс, в мужа Мартана Светлоозёрного из рода короля Свена Светлоозёрного, принца Озёрного края и хозяина севера, юга, запада и востока? - медленно повторил хранитель, чувствуя, что пауза подозрительно затягивается, а пальцы уже дрожат и вот-вот корону уронят.

Мартан нетерпеливо дёрнул рукой и покосился в сторону растерянной девушки. Ненавистное золотое жало стало последней каплей, и Арлина в сердцах выплеснула:

- Нет, - и сама испугалась того, что сказала.

Слово отозвалось эхом во всех уголках мраморного тронного зала. Рой стрекоз на секунду затих, чтобы спустя удар сердца разразиться пуще прежнего. Кто-то на задних рядах от неожиданности упал в обморок, кто-то прикусил язык, кто-то ухмыльнулся, кто-то же стоял не шелохнувшись и отказывался верить в происходящее.

- Вы должны сказать «да», - шепнул Игвик Арлине прямо на ухо. От хранителя неприятно несло болотной водой. - Я сейчас произнесу речь в третий раз, а вы не перепутайте.

- Нет, - повторила Арлина на сей раз твёрдо, одновременно краснея, как перезревший помидор, готовый лопнуть и залить всех соком.

- Ты что такое говоришь? - зашипел совсем рядом Мартан и тут же завертел головой по сторонам, мило улыбаясь гостям и недоуменно пожимая плечами. - Останови церемонию, - кинул он Игвику и, расталкивая локтями столпившихся за спиной любопытных, подхватил Арлину под локоть и потащил к дверям, за которыми начиналась комната, где послы и просители обычно ожидали приёма у короля.

Повернув в дверном замке большой тяжёлый ключ, Мартан запер дверь, развернулся, положил руки на плечи невесте и, сбиваясь, произнёс:

- Ты переволновалась. Мы сейчас отдохнём и повторим всё заново. Плевать на гостей и что они подумают. Я сам переживал так, что не сразу понял, что следует отвечать.

- Мартан, - перебила принца Арлина.

- Тебе нужно воды. - Мартан был сам не свой и ничего не слышал. - Да-да, именно воды. Ланс! - закричал он что было силы и только потом понял, что даже при всём желании Ланс не сможет быстро прийти на помощь - сперва надо как минимум выломать запертую дверь.

- Мне не нужна вода, - остановила принца Арлина. - Мне нужно поговорить с тобой. Я должна была сделать это раньше, но никак не верила и не решалась. А теперь я боюсь. Боюсь за наше будущее, Мартан.

Белое платье, такое воздушное, такое желанное, теперь раздражало и смотрелось аляповатым пятном на фоне золотых оконных штор. Кружево, тонкое, словно паутина, торчало со всех сторон, добавляя невесте пышности вместо того, чтобы подчеркивать тонкую девичью талию. Муха - да чтоб её - и даже муха, а не фигурка изящного лебедя сидела на большой фруктовой вазе и потягивала сок из спелой жёлто-розовой груши. Мартан - в парадном наряде, со шпагой, прикреплённой к поясу, высокий и стройный - стоял, не шелохнувшись, и ждал разъяснений.

Арлина подняла голову, и их взгляды встретились. Его глубокий и затягивающий, слово болото, поросшее мхом, с островками яркого вереска и спелой алой клюквой, и её испуганный и робкий, неуверенный ни в чём, сомневающийся и умоляющий одновременно.

- Кто он? - Мартан прищурился. В его взгляде промелькнули искорки ревности.

- Он? - недоумевая, переспросила Арлина.

- Тот, из-за кого ты отказываешь мне. Я принц, а не торгош никчёмный, чтобы об меня ноги вытирать. - На слове «торгош» Арлина слотнула, но промолчала. - Кто запудрил тебе мозги настолько, что ты готова променять меня на него?

Девушка замотала головой.

- Тогда в чём же дело? - подозрительность немного спала, уступив место прежней чарующей мягкости, будто и не было грозового раската ударом сердца ранее.

- Всему виной сон, и я должна в нём разобраться.

- Сон? - насмешливо переспросил Мартан. - Из-за сна ты у всех на виду выставила меня дураком?

- Но ты не знаешь, что это за сон! - полная отчаяния, воскликнула Арлина. - Уже которую неделю мне снится твоя смерть, Мартан! Я вижу, как ты умираешь, а я ничего не могу с этим сделать. Не могу никак помочь.

- Я вижу во сне, как умирает мой любимый пёс, и что?

- Гадалка сказала, сон вещий и сбудется сразу после свадьбы. Неужели ты не понимаешь?

- Гадалка! - Мартан картинно отвёл взгляд, взъерошил мягкие, вымытые в отваре из крапивы и лепестков дикой орхидеи волосы и рухнул в ближайшее кресло. Потянулся за грушей, взял одну и надкусил. Сладкий нектар прыснул из мягкого недра плода и потёк тоненькой струйкой от губ к подбородку. - Я думал, у меня сегодня появится жена, достойная носить корону принцессы Озёрного края, а мне подсунили трясогузку. Иди ко мне, - смилостивился он, видя, как дрожит девушка то ли от холода, то ли от страха, то ли от отчаяния, то ли от всего вместе взятого.

Арлина послушно приблизилась.

- Это всё нервы, - пробормотал принц, усадив Арлину к себе на колени и крепко прижав. - Ты переволновалась, устала. Слишком долго жила в городе, слушала всех подряд, начиная булочником и заканчивая грязными попрошайками. Теперь всё будет по-другому. Тебя будут окружать лишь леди и лорды, и ты никогда больше не услышишь ничего, что может омрачить или расстроить.

- И всё же я должна разобраться во сне, - настаивала девушка.

- Упрямая ты моя, - улыбнулся Мартан, вдыхая аромат её волос, что прямо пахли гвоздикой.

- Отложим свадьбу? Ненадолго. Я найду решение и...

- Тсс, - Мартан приложил палец к губам невесты и нежно провёл кончиками пальцев по её спине, - расслабься. Выброси всё из головы и просто посмотри на меня. Мы ничего не станем откладывать. Мы повторим церемонию завтра, а сегодня просто побудем вместе, и ты успокоишься. И знай, я никуда тебя не отпущу. Ты пытаешься напугать меня абсурдным кошмаром, что я могу умереть после свадьбы, а я тебе вот что скажу: я умру, если свадьбы не будет. Если тебя не будет рядом со мной. Клянусь, что умру! Спрыгну со скалы в море. К чему мне жизнь без тебя?

- Нет, - пролепетала девушка, - этому никогда не бывать.

- Этот бриллиант... - Мартан бережно взял руку Арлины и провёл пальцем по яркому розовому камню в обручальном кольце. - Гляди, как он сияет. Как и наша любовь. И будет сверкать вечно. Потому что... - Мартан замолчал, и Арлина почувствовала его горячее дыхание на своей шее, - потому что я люблю тебя.

Его губы обожгли её кожу. А потом и прикосновения тёплых пальцев, медленно, но настойчиво стягивающих кружевную ткань с плеча и оголяя его для новых поцелуев.

- Нет, Мартан. - Арлина попыталась отстраниться, но юноша не дал ей и с места сдвинуться, только прижал к себе ещё крепче.

- Не говори ничего, - прошептал он, покрывая обнаженное плечо поцелуями. - Этот день и сегодняшняя ночь должны были быть нашими. И я хочу, чтобы так и было.

Арлина охнула, почувствовав, как слабеет шнуровка.

- Нет, - только и хватило сил на слабый писк, а дальше руки сами взметнулись и перехватили спадающее с груди платье, не дав открыться самому сокровенному. - Мы же ещё не женаты.

- Мы могли бы уже быть женат. - Натиск жгучей страсти не ослабевал, Мартан попробовал развести руки девушки, но та держалась.

- Послушай, - взмолилась Арлина, - да послушай же. Я не могу выйти за тебя замуж. Сейчас не могу, - уточнила девушка, глядя на растерянное лицо жениха. - Сегодня не могу и завтра, а только тогда, когда разберусь со сном и отыщу решение. Это не прихоть и не глупое сумасбродство. Я не прощу себе, если после свадьбы с тобой что-нибудь случится.

Мартан скрипнул зубами.

- Мы поговорим чуть позже, - выдавил он, вытирая рукавом пот со лба. Жёсткая золотая нитка радостно впилась в липкую кожу лица и оставила на нём длинную тонкую царапину.

Мартан поднялся с кресла, оставляя в нём Арлину в сползшем набок платье, повернул ключ в замке, дёрнул на себя дверь и вышел к недоумевающим гостям.

- Всё отлично! - только и смог выдохнуть он, молитвенно соединя ладони. - Здесь очень душно, и у миледи кружится голова. Церемония состоится завтра, а сейчас невесте надо отдохнуть.

По залу прошёл облегчённый шёпот, и все в мгновение зашуршали парчовыми одеждами, устремляясь к бокалам, наполненным игристым вином. То уже выдыхалось, и надо было его срочно спасать, несмотря на то, что невеста сказала совсем не те слова, которые от неё ожидали. Рой веерных стрекоз затрещал с удвоенной силой.

- Ланс. - Мартан поманил к себе Ланселя, взял с серебряного подноса бокал и тут же осушил его. - Следи за этой дверью, не выпускай и не впускай туда никого и ни под каким предлогом, пока я не вернусь.

- Там Арлина? Её отец рвался к вам, но его вовремя остановили.

Мартан отхлебнул из второго бокала.

- Я сейчас поговорю с ним. Ты всё понял?

Ланс кивнул.

- Отнести миледи вина? - спросил он, забирая с подноса два бокала: один - для себя, другой - для Арлины.

Мартан поморщился.

- Не стоит, с ней всё в порядке. Просто капризы, скоро отойдёт.

И принц, хлопнув друга по плечу, растворился в толпе гостей, тут же сомкнувшихся вокруг его высочества и прилипших к нему, словно мухи. Каждый торопился первым поприветствовать королевского сына и выразить надежду, что невеста скоро поправится.

Белое платье, накрытое горой прозрачной вуали, выглядело помпезно и величественно. Как и новая жизнь, в которую чуть было не вступила в этот день Арлина. Сколько собралось гостей в тронном зале? Не меньше нескольких сотен точно. Места всем не хватило - многие топтались на балконе и в дверях. И всем им нашлись комнаты во дворце, чтобы переждать ночь и по утру спуститься в зал заново.

Арлина поёрзала на стёганом одеяле, усаживаясь поудобнее, и покрепче обхватила острые коленки. Больше всего было стыдно перед отцом - его потерянного взгляда она век не забудет. Но Мартан повёл себя поистине благородно. На глазах у всех знатных вельмож и даже у короля сам извинялся перед де Вриссом за происшедшее, уверял, что во всём виноват он сам и никто иной: слишком торопил Арлину со свадьбой, слишком настаивал, слишком сильно любил. Глупенький милый Мартан! Да если бы не этот треклятый сон и не гадалка на площади с её карканьем, разве сидела бы Арлина сейчас тут? Разве смогла бы предпочесть холодные стены своей комнаты тёплой постели с любимым мужем, его объятиям, ласкам и поцелуям? То, чего она жаждала больше всего на свете, в одночасье было перечёркнуто неровной, едва видимой линией на ладони.

Церемонию повторят завтра, и это уже решено и не обсуждается. Мартан убедил Арлину, несмотря на её слёзы и панику. После того, как гости разошлись и зал опустел, Мартан лично попросил хранителя Игвика остаться и отрепетировать то самое заветное «да». Сколько раз его повторила Арлина прежде, чем Мартан удовлетворённо кивнул? Восемь или десять раз? Начинала она с робкого мяуканья, а закончила громко и уверенно, как и должна говорить истинная принцесса, которую распирает от гордости и собственной важности.

Свадьба завтра, и ничего изменить уже не удастся. Вставать опять рано, со скрипом влезать в пошитое меньше нужного размера платье, еле дышать от туги затянутого корсета, трепетать, когда отец бережно обернёт жемчужное ожерелье вокруг её шеи и щёлкнет застёжкой.

Но всё это завтра, а сейчас в тишине ночи, нарушаемой только мерным потрескиванием свечи, можно ещё прокрутить в голове созревший за ужином план.

Когда Арлина приоткрыла дверь из комнаты и выглянула в тёмный коридор проверить, спит ли отец, её посетило навязчивое чувство дежавю. Те же штаны, правда после последней вылазки значительно короче, та же туника и надорвана в том же месте, тот же плащ до пят и та же скрипучая пятая ступенька, которую не обойдёшь, если не раскорячишься. И только кошель на поясе в этот раз был в разы тяжелее, и позвякивали в нём не только золотые монеты, но и снятое с безымянного пальца левой руки обручальное кольцо.

Двери калитки опять осталась незакрытой с внутренней стороны, а ноги тихонько-тихонько от куста к кусту заторопились в сторону центральной площади Атоля. На счастье большая половина города уже давно спала, а кустов на пути было много, хотя, как показалось Арлина, некоторые колыхались неприлично долго после того, как она их покидала. Может, ветер? Вон сколько туч этим вечером набежало. Не иначе завтра дождь будет. После феникса всегда начинается дождь.

Словно завсегдатай этих мест, Арлина нырнула в арку, выскочила на площадь и со всей скорости кинулась к заветному фургончику цыганки. Неловкости и стеснений ноль - толкнула дверь ногой и ввалилась внутрь, гроыхая разбросанными по полу кастрюлями, подсвечниками, шкатулками и декоративными статуэтками болотных жаб. Лачтны внутри не было.

- Есть кто? - Арлина прищурилась, но в темноте трудно было что-либо различить.

Решившись пойти напролом, не обращая внимания ни на мышь, ни на дамские подвязки, которые могли попасться на пути, девушка сделала несколько решительных шагов вперёд и упёрлась во что-то тёплое и мягкое, громко урчащее, воняющее и по очертаниям напоминающее большой комок. Осторожно потыкав его носом ботинка, девушка пожалела, что не выхватила у веселящихся на площади мальчишек самодельные фонарики с малюсенькими язычками пламени внутри. Но вдруг за узким и вытянутым окном фургона загроыхало, небо озарилось яркой вспышкой, рассыпавшейся на тысячи мелких звёзд, а те осветили всё вокруг таким светом, что и солнца не надо. Это звёздный феникс сгорел и вновь возродился, радуя всех своим пришествием, озаряя тёмные тропки в лесу для заплутавших путников и позволяя Арлине лучше разглядеть то, вот что она уткнулась ногой. Впрочем, это было уже и без феникса понятно, так как комок на полу вдруг принял очертания и громко выругался.

- Вставай, - приказала Арлина и сделала несколько шагов назад, позволяя спящему старику нащупать на полу свою деревянную палку и с её помощью подняться. - Ты отведёшь меня в Смоляные горы. И отправляемся мы прямо сейчас.

- Эво как. - Старик потёр сонные глаза. - В свои семнадцать я по-другому проводил время в первую брачную ночь...

Арлина притворилась, что из-за шума на площади не расслышала ехидства.

- Ты отведёшь меня к этому самому, как его... к тёмному колдуну... Таварнаку!

- Тайернаку, - поправил старик, прилизывая топорщившиеся в разные стороны, до лубокой седины серебряные, волосы. - Милорд очень трепетно относится к своему имени и истории своего рода, а род у него древний, и все - потомственные колдуны.

- Плевать я хотела на имя и род, - огрызнулась Арлина. - Мне нужен только его эликсир. Ты отведёшь меня в замок, покажешь, где хранится зелье, я заберу склянку и, если не пригодится, верну обратно.

- Я говорил, каков лорд Тайернак в гневе? А если он узнает? Или, не дай озёрные боги, вернётся в замок раньше положенного?

- От тебя требуется только ткнуть пальцем в нужное место. Весь свой гнев твой бывший хозяин пусть направит на меня. Я с ним договарюсь, уж поверь. И вот ещё. - Арлина нырнула пальцами в мешочек на поясе. - За свою работу получишь сто золотых.

И в доказательство своих слов девушка вытащила несколько крупных блестящих монет и помахала ими перед стариком, дразня его. Тот громко причмокнул, словно вкусное рагу из кролика ел, и прошамкал:

- Говоришь, только довести до замка? А ежели чего вскроется, то в червяка навозного тебя превратят?

Арлина кивнула.

- Дураком буду, если столько золота не возьму. - Старик сграбастал монеты.

- Здесь только часть, остальное получишь, когда эликсир будет у меня. Долго идти до Смоляных гор?

- Если дожди не затянутся и с попутками повезёт, то несколько днейков.

- И потом ещё обратно, - прошептала про себя Арлина. - Надеюсь, Мартан меня простит.

- Так вести в земли Тайернака или не вести? - переспросил старик, глядя, как тень сомнения вытесняет с лица девушки былую уверенность.

- Вести! - окончательно решила Арлина и первая двинулась к выходу.

- Вы никуда не пойдёте, леди де Врисс. - Из уличного шума в тишину тесного фургончика шагнул Лансель. - Вы сейчас отправитесь к себе домой, и сделаем вид, что ничего не было.

- Это твой жених? - не к месту вставил старик, уставившись на загородившего проход Ланса. Старческие узкие глаза, все в морщинах, распахнулись так широко, словно смертельно опасную кобру увидели.

- Какой он жених? - усмехнулась Арлина. - Простой слуга, даже не лорд. Мартан настолько добр и мил, что держит его при себе как равного. Дай пройти. - Девушка встала напротив и не собиралась уступать. - И откуда ты только взялся?

- Его высочество попросили присмотреть за вами, и, как оказалось, не зря.

Арлина цокнула языком, понимая теперь, почему столь долго не унимались кусты. Ветер оказался не при чём.

- Вы идёте со мной, миледи.

Ланс сделал шаг навстречу Арлине и схватил её за руку.

- Пусти! - вскрикнула девушка, попыталась вырвать руку из цепких тисков, но не тут то было. Крепкие пальцы сдавили нежную кожу так, что завтра она вся будет в малиновых синяках. - Пусти, кому говорю! - прошипела теперь злобно и ядовито, упираясь ногами в пол.

Вторая рука беспокойно зашарила вокруг, но поймала один воздух. Подсвечник бы, да им по Ланселю... Но рядом топтался только грязный, беспомощный нищий, водил чего-то там тоненькими иссохшими губами и опирался на деревянную палку. Понимая, что другого шанса не будет, Арлина выхватила палку из рук старика и со всего размаха заехала её концом в висок Лансу. В мгновение тот оцепенел, пальцы разжались, и Лансель рухнул на пол.

- Я бы не додумался её так использовать, - ухнул старик, аккуратно вытаскивая из руки застывшей на месте Арлины свою драгоценную деревяшку. А когда забрал, то бережно протер её рукавом, словно это палке было больно, а не лежавшему без сознания королевскому слуге.

- Так учись, - рыкнула пришедшая в себя Арлина, схватила Ланса за ноги и перетаскала подальше от входа. - А теперь быстрее, пока он не очухался или пока сюда вся королевская гвардия не нагрянула.

Оба, старик и девушка, выскользнули из фургончика и поторопились раствориться в темноте пустых городских улиц, ведущих к окраинам и дальше в лес. Нужно было спешить, ведь далеко на востоке уже начинал заниматься рассвет.

Глава 6. Сто дней

Хрустальные брызги обожгли кожу холодом. И не только на лице, но и на груди, и на шее. Капли масла ветивера вместе с порцией настойки на полевых травах последовали спустя несколько ударов сердца. От их запаха приятно защипало в носу. Не открывая влажных глаз, Мартан протянул руку в сторону, получил тонкое льняное полотенце и приложил к лицу. Серо-белая ткань, привычно пахнувшая можжевельником, мигом впитала прохладную воду, а после была отшвырнута на пол за ненадобностью.

Подняв голову от заполненного до краёв умывальника, Мартан посмотрелся в зеркало. Волосы - каштановые, слегка выющиеся, прядка к прядке - лежали ровно и красиво. Нос прямой с лёгкой горбинкой, губы тонкие, но влажные и распробовавшие уже достаточно женщин. И ни к одной из них он не возвращался второй раз, как бы та ни умоляла. И ни одна из них не сбегала от него. До вчерашнего дня...

Капли воды высохли на избалованной женскими ласками груди. Мартан развернулся, прошёл к плетённому стулу, взял с него белоснежную тунику и надел. Заправил в штаны и затянул сверху пояс. Затем плюхнулся в мягкое кресло у окна, закинул ноги на другое, такое же мягкое и всё в зелёном бархате, потянулся к стоявшей на чайном столике чашке с горячим травяным настоем и сделал глоток.

Находившийся всё это время возле умывальника Лансель поднял брошенное на пол полотенце, сложил его вчетверо, намочил остатками воды и поднёс к виску. Живительная прохлада коснулась кожи, пылающей огнём, подобным тому, который изрыгает сам дракон, и Ланс облегчённо выдохнул.

- Хорошо она тебя припечатала, - хмыкнул Мартан, жуя горячую лепёшку с гречишным медом.

- Я и думать не смел, что леди...

- Какая она к болотным мухам леди?! Обычная девка с грязной улицы, как и её отец. Сидят на мешках золота и думают, что могут встать в один ряд с нами, благородными семьями Озёрного края.

- Надо же, палкой-то как можно, - Лансель был на своей волне. - И ладно бы дерево хорошо обтёсано... Оно, глядишь, и не так бы задело. Но то, видимо, всё в сучках было.

Ланс на секунду отнял полотенце от пульсирующего виска. Кроме большого малинового пятна на коже можно было легко разглядеть и небольшие отметины - словно зубами приложились. Кровь в тех местах запеклась ещё ночью, но менее устрашающе от этого они не перестали выглядеть.

- Это она тебя ещё мягко огрела. - Мартан перевёл взгляд со слуги на голубую фарфоровую чашку с золотой каёмкой. - Вид у тебя и правда жалкий.

- Да уж, повезло, так повезло, - промычал Ланс, меняя сторону полотенца.

- Камзол и шпагу мне, - скомандовал Мартан, вытер измазанные в мёде губы льняной салфеткой, на которой были вышиты вензеля и озёрная кувшинка, и поднялся.

Сорваться с места, как ранее, Ланселю удалось с трудом. Стоило сделать резкий шаг, как голову будто разорвало на тысячу осколков и перед глазами всё закружилось. Пошатнувшись, Ланс выдохнул и мотнул головой. Осколки вернулись обратно, но мутная пелена с глаз спадала медленно. Когда же прошла полностью, то чуть не нахлынула второй волной, стоило Лансу сделать ещё один неосторожный рывок.

- Тише ты, - рявкнул Мартан, с трудом попадая в рукав поданного тёмно-синего камзола. Пошитый строго по фигуре, без излишеств, он сидел на принце изумительно и идеально подчеркивал высокий статус. Вот только длинный тоненький белокурый волос прилип прямо

к спине и ярче солнца сиял на тёмной ткани. Лансель оторвал руку от головы и полотенцем смахнул волос с камзола принца на пол. Кажется, такого цвета волосы у новой горничной, хотя Ланс мог и перепутать.

- Значит, Смоляные горы, - многозначительно произнёс Мартан, крутясь перед зеркалом и разглядывая себя. Затем оправил камзол и проверил, надёжно ли прикреплена шпага. - Перстень с сапфиром подай.

- Да. - Ланс направился к небольшой, инкрустированной жемчугом шкатулке. - Я слышал весь разговор, прежде чем зайти. Леди де Врисс...

- Она не леди, - грубо оборвал слугу принц.

- Прошу прощения, ваше высочество. Ваша невеста умоляла старика провести её к замку высоко в горах.

- Зачем? - Мартан надел на указательный палец протянутый Лансом перстень и довольно цокнул языком.

- Арлина твердила про какой-то эликсир.

- Что за чушь, - пробормотал Мартан. - До Смоляных гор путь не близкий. Арлина - не всадник; старик - не ретивый конь. Не иначе, или заблудятся, или волки по дороге загрызнут. Я делаю ставку на волков. А ты?

Лансель чуть не поперхнулся - было бы чем.

- Волки вернее. Послать бы гвардию, пока солнце ещё высоко. Чем быстрее отправим, тем быстрее найдём.

- А нам это нужно? - спросил Мартан и хитро прищурился.

- Не понял.

- Я говорил с отцом. После случившегося он категорически против свадьбы и любых дальнейших отношений с де Вриссами. Даже закупку молотого чеснока велел приостановить. Де Вриссу-то что от этого? У него очередь из покупателей на чеснок до самых Смоляных гор стоит, а наши блюда будут отдавать мочой.

Ланс шмыгнул носом. Все знали, сколь свежи и хороши специи у Алистера, и есть преснятину никому не хотелось, тем более и отвыкли от неё прилично.

- Так свадьбы не будет? - переспросил Ланс.

- Как не будет и денег де Врисса. А я уже успел получить вот это...

Не вдаваясь ни в какие объяснения, Мартан протянул Ланселю полоску тоненькой бумаги, сто раз измятую и воняющую дешёвым табаком. Кое-как, одной рукой придерживая полотенце на больной голове, другой - разворачивая бумажку, Ланс, наконец, справился и, скользнув взглядом по написанному, пробормотал:

- Ничего не понимаю. Какой ещё «день первый»?

- Что здесь понимать? - пожал плечами принц, вырвал бумажку из рук слуги, скомкал и сунул в карман камзола. - Сто дней на оплату долга, Ланс, и отсчёт уже пошёл. Этот мерзавец Флинн никак прослышал о побеге дочки де Врисса и решил надо мной поиздеваться. Не отдам долг - найдёшь меня в сточной канаве.

- Так отправьте на него солдат!

Мартан хмыкнул.

- И что я скажу отцу и брату? Дайте-ка мне отряд, чтобы свернуть башку раздавале в игорном доме? Ваш сынок, дескать, проигрался тут... примерно на треть королевства.

- Но этот наглец угрожает жизни принца!

- Где ты это вычитал? Во фразе «день первый»? Что-то не вижу в этих словах никакой угрозы, и Патрик не увидит, а отец и подавно.

- А это не розыгрыш?

- Кто ещё во дворце знает о ста днях? Я и ты. И кто из нас двоих решил меня разыграть?

- Тогда поспешите, ваша милость. Отдайте приказ гвардейцам, пусть все дороги и леса перероют, но вернут вам Арлину де Врисс.

- Тихо ты, не ори, - грубо оборвал слугу принц, застёгивая последнюю пуговицу на камзоле. - На что нам остроносая Арлина, если отец против свадьбы? Нет свадьбы - нет денег. Нет денег - нет моей головы.

- Что же вы намерены делать?

- Сколько там золота давал де Врисс за своей цаплей? Половину всего, что нажил? К чему мне половина, если можно взять всё? - Мартан кинул оценивающий взгляд на растерявшегося Ланселя, скривился от его обескураженного вида и бросил: - Убери полотенце и следуй за мной. И чтобы ни слова, пока не разрешу говорить. Хитрый лис уже у отца. Я слышал его гаркание у ворот.

По длинному мраморному коридору оба шли молча: Мартан уверенно, а Лансель скорее плёлся, чем торопился следовать за принцем. Голова раскалывалась на части, тело ныло, будто ночью не только по голове заехали, но и ногами пинали, ни капельки не жалея. Или это от того, что лежал он на груди сваленного в углу барахла, тыкающего под ребра и в шею всё то время, пока в фургончик не вернулась Лачтна? Гадалка долго причитала и даже рвалась помочь и обработать рану ядом вересковой жабы, но Ланс вовремя вскочил на ноги и рванул вон из душного фургончика. Чего-чего, а яда в добавление к ночному удару ему хотелось меньше всего.

Во дворце всё напоминало о несостоявшемся торжестве. Слуги торопились снять бумажных лебедей, убрать шёлковые ленты, вернуть стулья на их прежние места и прибрать комнаты гостей, в спешке и показном разочаровании покидающих стены дворца. Но стоило тем сесть в экипажи и скомандовать кучеру «Трогай!», как их было не остановить. Слова, сбиваясь, перепрыгивая друг через друга, едва успевали соскакивать с губ и складываться во фразу, которую можно было понять, не переспрашивая. Каждый норовил поделиться с соседом своим видением неслыханного ранее в Озёрном крае происшествия. Одни кивали на болезнь невесты, другие - на таинственную банду похитителей. Но самой большой популярностью пользовалась версия о таинственном любовнике Арлины де Врисс, к которому она сбежала и из любви к которому оставила принца с носом. Кем был тот несчастный, никто не знал, но сводилось всё к одному: такой же носатый, такой же богатый и вдобавок ко всему бабник. Последняя подробность заставляла знатных дам громко охать и во всеуслышание жалеть Арлину, в душе повторяя заветное «так ей и надо».

Была и другая причина, по которой часть гостей заторопилась по домам: навести в поместьях лоск, подготовить наряды подороже и незамедлительно отправить принцу Мартану приглашение посетить их владения, надеясь, что отныне самый желанный холостяк королевства заинтересуется хотя бы одной из их дочерей. Многие из них были в разы красивее Арлины и фигурой тоньше и стройнее, но ни одна не была столь же богата.

Двери королевской библиотеки широко распахнулись, чтобы пропустить Мартана и Ланселя внутрь, и быстро и с грохотом захлопнулись. В пропахшей древними манускриптами, чернилами и книжным клещом комнате было темно и тихо. Слуги приподняли несколько тяжёлых штор, но небо за окном начинало затягиваться низкими дождевыми тучами, готовыми вот-вот разверзнуться, и сидевший в кресле король приказал зажечь свечи. А когда было сделано, его величество грустно вздохнул, пошевелил губами и выдавил:

- Все это крайне, крайне неприятно.

Алистер де Врисс стоял напротив, бледный и на вид постаревший сразу лет на десять.

- Я не знаю, какие извинения мне подобрать, ваша милость, - пробормотал торговец. - Уж простите, этикету не обучен. Но всё произошедшее - для меня такая же загадка, как и для вас.

- Ты, Алистер, должен понимать, что твоя дочь не только оскорбила чувства моего сына. - При этих словах король развернулся в пол оборота и посмотрел на облокотившегося на спинку

отцовского кресла Мартана, чей надменно холодный взгляд был устремлён на фамильные портреты на противоположной стене. - Твоя дочь посмела посмеяться над самой короной! Сорвала высочайшую церемонию, а затем сбежала неизвестно куда и неизвестно с кем. Люди на улицах судачат...

- Я слышал, что судачат люди, - перебил короля де Врисс, спеша заглазить вину дочери, - и я не верю сплетням. Но я не буду разбираться, правда это или слухи. Я выпорю Арлину собственными руками, только помогите её найти!

- Ты также должен понимать, - бесстрастно продолжал король, будто и не слышал жарких клятв торговца, - что титула лорда Мшистой долины тебе теперь не видать, и о свадьбе наших детей ты можешь навсегда забыть.

- Не вам учить меня, что такое уговор, - огрызнулся Алистер. - Вину свою я не отрицаю и на Мшистую долину более не претендую. Помогите только найти дочь.

- Эту бесстыдницу, которая выставила всех нас посмешищем?

Алистер тяжело вздохнул.

- Какой бы она ни была и что бы ни творила, она дороже мне любого богатства. Но клянусь, как только она будет тут, выпорю!

Король кивнул.

- Мы поможем её отыскать. Мы не знаем, где она - беглянку никто не видел, но Мартан распорядится отправить по всем дорогам отряды с описанием внешности девицы и информацией о солидном вознаграждении. Разумеется, вознаграждение будет выплачено из твоего кармана.

Алистер не спорил.

- Гвардейцы прочешут все постоянные дворы, дороги, трактиры, забегаловки на севере, юге, востоке и западе. Мы найдём твою дочь, тем более что мы и сами в этом крайне заинтересованы.

Де Врисс насторожился. Подобно лису, почуявшему охотника, наострил уши, приподнял одну густую с проседью бровь и повёл ноздрями. Чутьё никогда не подводило его. И сейчас его нос явно унюхал подвох.

- Мартан, - король рукой позвал сына из-за своей спины, - объясни. А мне пора. Маркиз Штоль привёз новые охотничьи ружья. Хочу взглянуть.

Дождавшись, когда за отцом закроется дверь, выступивший вперёд принц скрестил руки на груди и, продолжая смотреть не на де Врисса, а на портрет прадеда в N-ном колене, у которого один ус торчал вверх, а другой - вниз, мягко начал:

- Видите ли, Алистер. - Де Врисс напрягся пуще прежнего: слишком сладкий заманчивый тон - за таким сразу следует капкан, который имеет привычку быстро захлопываться и прижимать лисе хвост. - Сбежав, ваша дочь прихватила с собой обручальное кольцо. Оправа ничто - обычное золото, но вот камень... Семейный розовый бриллиант, цена которому четверть королевства. Это не просто камень, вы же меня понимаете. Это символ короны и королевской власти. И сейчас этот символ находится непонятно где, на пальце необученной манерам простолудинки. Даже не леди.

Последние слова Мартан нарочито произнёс отчетливее, чем вызвал гневный блеск во взгляде де Врисса.

- Помогите найти дочь. - Алистер облизнул сухие губы. - И я верну вам бриллиант.

- Разумеется, - продолжал принц, - но пока бриллиант не вернулся в королевскую сокровищницу, нам нужны гарантии того, что мы получим камень обратно. Или же компенсация, если камень мы в итоге не получим. Вы хороший делец, Алистер, и как никто иной должны понимать, что такое гарантия и компенсация.

- Я знал, что это такое, ещё когда тебя на свете не было, мальчик, - медленно, чеканя каждое слово, словно нож затачивая, ответил де Врисс. - И знаешь ещё что? Я всегда говорил

Арлине, что сынок торгаша Бена Седдона в разы лучше, чем избалованная лягушка во фраке. От того хоть и рыбой несет отменно, но баба от него никогда не сбежала бы.

- Так, может, ваша дочь именно с ним и сбежала? - Мартан перевёл взгляд с картин на стене на трясущегося от нарастающего гнева де Врисса. - Последовала советам отца?

Напрочь забыв о капканах и потеряв любое чувство предосторожности, Алистер в один прыжок оказался рядом с Мартаном и схватил его руками за горло.

- Чтобы какой-то щенок и вздумал... - но договорить ему не удалось. Холодное острие шпаги проткнуло плотный кафтан и замерло на расстоянии клопа от спины. Алистер аккуратно разжал тиски.

- Убери шпагу, Ланс, - прохрипел Мартан, потирая шею, на которой остались следы от пальцев торговца. - Де Врисс изволил пошутить.

- Как и его высочество, - ответил Алистер, не спуская глаз с принца.

Мартан отступил на несколько шагов назад. Лансель вместе с ним, держа шпагу наготове.

- Учтите, Алистер, - все ещё хрипя, заметил Мартан, - за этими дверями полно стражи. Одно моё слово - и от вас волоска не останется. Но я не буду делать из произошедшего драму. Пока не буду.

- Вот радости-то будет, - хмыкнул де Врисс, - смотреть, как лягушка во фраке изволит квакать.

- И смотреть на то, как у вас забирают всё, что у вас было. Мой отец ещё ранним утром отдал необходимые распоряжения. Ваш товар на всех складах и лавках королевства изымается. Ваше золото и все драгоценности, которые хранятся в Озёрном банке, перевозятся во дворец, в надёжное место, где будут находиться под присмотром, покуда вы не вернёте мне бриллиант!

- Да ты даже не лягушка, - вдумчиво протянул Алистер, - а червяк. С тобой надо так!

С этими словами де Врисс смачно харкнул прямо на мраморный пол, наступил на плевок сапогом и растёр.

- Не будет бриллианта, роль червяка придётся играть вам, - мило улыбнулся Мартан, разводя руками. - А теперь ступайте, Алистер, и молитесь, чтобы наши гвардейцы нашли вашу изменницу дочь как можно быстрее. Иначе, боюсь, даже темницы для вас будет мало.

Никогда ещё дверью в королевскую библиотеку не хлопали так громко, как в этот день. От силы удара она, мощная, десять футов в высоту, даже заходила в петлях и застонала. Когда же всё стихло, Лансель схватил с вазы на столе холодное яблоко, приложил его к шишке на голове и произнёс:

- Про бриллиант это вы лишку хватили. В прошлый раз мы ювелиру в вино смутьян-траву накрошили - он и не признал подделку. Что если в этот раз всё будет по-другому? Найдем Арлину, и вскрыется, что камень - фальшивка.

- Тебя один раз по голове шарахнули или несколько? - пренебрежительно бросил Мартан, поправляя на шее платок канареечного цвета. - Зачем нам дешёвая стекляшка и девка, у которой вместо носа клюв?

- Так вы не будете искать Арлину? Вы же обещали де Вриссу...

- Де Врисс мне тоже обещал невинную и скромную жёнушку. А в результате опозорил на весь свет.

- А как же распоряжения отправить отряды на поиски девушки? - не верил своим ушам Лансель. - Её же волки загрызут!

- А я выпью за их здоровье!

Канареечный платок никак не хотел ложиться так, как было изначально. Мартан не выдержал, рывком вытянул его и швырнул на пол.

Еле видимая глазу лесная тропинка, поросшая жухлой травой и заваленная поломанным сухостоем, петляла и виляла, словно пьяная девица, возвращающаяся домой. Убегала за деревья, скрывалась в оврагах и выныривала в топких болотах, среди фиалковых брызг, изумрудных трилистников и мшистых островков. Вода была повсюду: ручейки, родники, выскакивающие из-под камня, зацветшие прудики, без камыша и раскидистых ив, но с изломленными корягами, заваленные мёртвой листвой. Всё вокруг дышало водой. Вода была даже в воздухе и невысыхаемой росой оседала везде, до чего могла достать. Не обошла стороной даже старика и Арлину.

Продрогшая, в одежде, которую уже можно было выжимать, с влажными волосами и вечно падающими с носа маленькими капельками, девушка с трудом пробиралась вперёд. Старик не отставал и тоже шлёпал по чавкающим болотам, выискивая сухие островки, коих местами попадалось немного. А те, что попадались, были серыми и до однообразия скучными. Только на одном до сих пор цвел осенний пестроцвет, но и тот был безжалостно примят башмаком Арлины, в котором уже изрядно хлюпала всё та же вода.

- Шли бы по западному тракту, были бы сейчас в тепле и сытости, - ворчал старик, вытаскивая правую ногу из одной вязкой жижи, пока левая благополучно оседала в другой.

Опираясь на свою деревянную палку, которая - о, чудо! - в болотной грязи не тонула ни на дюйм, он схватился клешнями за тонкую руку Арлины и подался вперёд на сухое местечко.

- Весь тракт уже давно должен кишеть королевскими гвардейцами. Мартан с ног собьётся, но не прекратит поиски. А в лесу он меня искать не догадается - не поверит, что в дремучий лес могу сунуться. Воды тут... многовато.

- А чего ты хочешь от Озёрного края? Вот придём в Смоляные горы - кругом будут одни камни. Чёрные, холодные, неприветливые.

Арлина поёжилась, а старик продолжал нудеть.

- Будем продолжать по болотам ползти - до скончания века не доберёмся до замка. Надо выходить на тракт и уповать на попутную телегу или повозку. Уж всё равно чего. Хоть в навозе ехать, но быстрее будет, и ноги в кровь не собьём.

- Тоже мне план, - фыркнула Арлина. - Узнают меня на первом же постоялом дворе. И не видать мне эликсира.

- Измажем тебе лицо болотной грязью, волосы обрежем, грудь... - старик закричал, разгадывая, есть ли грудь у Арлины, - ...грудь перетянем - от мальчишки не отличить. Скажем, дед с внуком бредут. Побираться тебя научу. Авось, наскребём на ночлег под соломенной крышей да на миску яблок. Особо добрые сердцем и кость цыпленка подкинут. Тратить своё золотишко я пока не намерен.

- Де Вриссы никогда не протягивали руки! - Арлина гордо вскинула голову, но тут же потеряла равновесие и плюхнулась на поросший колючим мхом бугорок, весь в волчьей ягоде.

- Тогда ноги протянем, - хмыкнул старик и тоже присел на мшистую кочку. Нырнув рукой во внутренний карман плаща, достал несколько пережаренных сухарей, смешанных с табаком и крысиным помётом, и смачно ими захрустел. От вида наглого пиршества у Арлины заурчало в животе.

- Ты, конечно, догадалась ломануться среди ночи непонятно куда, но совсем не догадалась стащить из запасников отца свиной окорок или головку сыра, пусть и самого захудалого, - прощамкал старик, заглатывая последний сухарь. - Коль по болоту продолжать брести будем, то до ближайшего трактира доберёмся не скоро, а окочуришься ты раньше, чем солнце сядет за горизонт.

- А я и не хочу есть, - буркнула девушка и демонстративно отвернулась.

Старик удивленно хмыкнул, посмаковал последнюю крошку в редких гнилых зубах и, охая, поднялся на ноги.

- Ты куда? - в панике крикнула Арлина.

- Пойду поковыряю под перегнившей листвой. Глядишь, найду хоть заячьих шариков - я их, бывало, грыз, когда совсем немоготу было.

У Арлины помутнело перед глазами, и девушку чуть не вырвало.

Старик скрылся в лесной чаще быстро. Вроде только что был здесь, ковырял еловой иголкой в зубах, а потом глядишь - и след простыл. Широкие лапы синей ели сомкнулись, немного покачались и застыли солдатами, как у дверей в королевскую сокровищницу.

Без уродливого старикашки было одиноко, тихо и уныло. Раздражал он Арлину прилично, но что делать, если в ближайшие неделю-две она полностью зависела от него. Её будущее зависело от него. Корона принцессы на её голове, семейное счастье с Мартаном, новый статус отца и безоблачное будущее - всё зависело от вонючего вшивого старика. А если так, то что такое неделя-другая лишений и неудобств по сравнению с тем, что будет потом? Правда то, что неудобства превратятся в голод, сырую одежду, непроходимую дорогу и начинающую отваливаться подошву на правом башмаке, Арлина и думать не могла.

Время шло, она топталась на месте, а старик так и не возвращался. Начал накрапывать противный колкий дождь - Арлина накинула на голову капюшон, но тот не помогал. Дрожа от холода и сырости, девушка долго переминалась с ноги на ногу, затем начала прыгать на месте, а после, хорошенько поразмыслив, нырнула в синие ели. Колючие лапы встретили Арлину таинственным мраком, но дождь, как и свет, через них просачивался с трудом, и Арлина облегчённо выдохнула.

Вокруг было настолько тихо, что, казалось, спустись паук по тоненькой едва заметной паутине, Арлина и то услышит. И запахи! Хрустальной свежести, влажной хвои, сырой земли и сочной, хрустящей на зубах ягоды... Арлина встрепенулась, вновь раздвинула еловые ветки и радостно заулыбалась. Прямо за колючей стеной начинались ягодные просторы.

Алые, бордовые и рубиновые, ягоды дразнили и манили. Спелые, сочные, влажные, дождевыми каплями, словно слезой, покрытые, они рассыпались по мшистому островку, подобно звёздам на небе, завлекая к себе. Арлина потянулась за одной, самой близкой, и сорвала. Кисло-сладкая, та оказалась безумно вкусной - вкуснее любого изысканного блюда, которым балуют только членов королевской семьи. Вторая ягода была чуток слаще. Третья, четвёртая, пятая, а там и целая пригоршня отправилась в рот, аппетитно хрустнула на зубах так сильно, что алый сок выступил на посиневших от голода и холода губах. А стоило завернуть за махровые кусты, как перед Арлиной открылись новые опушки. Ягодные настолько, что ноге негде ступить.

Радостно рванув в малахитово-пунцовые островки, девушка и не заметила, как с каждым новым шагом её нога всё сильнее увязала в болотной жиже, а предвкушающее долгожданную жертву болото чавкало жадно и громко. Шаг, другой, и ворох ягодных ароматов и вкусов заполонил сознание. Ничего не видно вокруг - лишь алые точки, которыми не наешься. Стоит попробовать одну - тянешься за десятью; распробуешь десять - и ста мало.

Тёмная вода покрыла щиколотки и начала подбираться к коленям. И только когда за новой порцией лакомства было ни ступить, ни проползти, Арлина пришла в себя.

Беспомощно хлопая по болотной грязи руками, девушка попыталась ухватиться хоть за что-нибудь, но рядом были только тонкий камыш и осока, что острым лезвием полоснула по ладони, окрашиваясь в такой же алый, как и ягоды, цвет. Трясина была без пяти минут Арлина по пояс. Кричать и звать на помощь! Кого? Кто будет столь же глуп, что окажется в непроходимой лесной чаще в такую погоду? Но кричать надо, и Арлина собралась с последними силами и выплеснула из себя всё, на что была способна. Вышел писк не громче комариного. Арлина закрыла глаза.

- Держись, - услышала она совсем рядом.

Глаза распахнулись сами, а руки поспешили ухватиться за тоненький шанс на выживание, которым оказалась всего лишь простая, вся в зазубринах и колючих неровностях, нека-

зистая деревянная палка. Старик, стоявший на сухом островке, протягивал палку девушке и беззвучно шевелил губами.

- Она не выдержит, - всхлипнула Арлина, но за палку держалась.

- Держись, я сказал, не то ко дну пойдешь со всеми моими золотыми.

Откуда в тщедушном старике оказалось столько силы, Арлина не думала. Не думала она и о том, что не хрустнула сухая палка, переломить которую, казалось, было проще простого, а потом и на розжиг костра пустить - гореть должна ярко, ведь вся жизнь из неё уже давно была высосана. Выкарабкавшись из оставшейся без долгожданного обеда трясины, Арлина думала только об одном: что делать дальше.

- Ну что? Не решилась вернуться на западный тракт? - огонёк ехидства горел во взгляде старика, бережно протиравшего плащом палку, которая не только не надломилась под весом Арлины, но даже не затрещала.

- А другого пути нет? - Арлина шмыгнула носом, чавкнула полным болотной жижи башмаком и плюхнулась на мягкий ковёр их мха.

- Есть, - поразмыслив, ответил старик.

- Вот по нему и пойдём, - не медлила с ответом Арлина, смахивая с мокрой одежды прилипшие к ней иголки, траву и мелкие листья. - А что за путь?

- Волчья тропа.

Глава 7. Волчья тропа

По телу прошла тёплая волна. Такая обычно бывает, когда сидишь в купальне, и заботливая купальщица, зачерпнув кипятка и смешав его с ледяной колодезной водой, оmyвает тебя со спины, а ты млеешь, закрываешь глаза и просишь ещё. И так без остановки и до такой степени, что уже и раскиснешь вся, а вылезать и заворачиваться в лёгкую широкую простыню совершенно нет сил. Спать бы да спать, ведь вода всё не стынет и не стынет, а только накатывает волнами, грея грудь и подбираясь к лицу.

Арлина дёрнулась, но глаз не открыла. Только посильнее вцепилась пальцами в укрывавший её грязно-серый шерстяной плащ и натянула его себе чуть ли не до подбородка. Улыбнувшись во сне, девушка поёрзала и пошевелила носом. Грядёт пир? Неужто служанки принесли к купели вкусный обед? Тут тебе и жареные перцы, и запечённая с яблоками утка, и чечевичный суп с горячей лепешкой прямо из печи, и букет ароматной зелени, только что сорванной с грядки, с каплями росы на пряно пахнущих листочках. Всё, как и раньше, в те дни, когда не было кошмарного сна, леденящего душу пророчества гадалки, вонючего нищего с площади и леса, в котором скорее умрёшь, чем выкарабкаешься из его дебрей. Всё, как и прежде, когда запахи у изголовья кровати щекочут нос и будоражат аппетит, а рука так и тянется схватить первое попавшееся, будь то рассыпчатая картофелина, размякшее от жара розовощёкое яблоко или... мокрый от сырой земли, покрытый заплесневелым мхом камень.

Первая ночь в лесу показалась вечностью. Арлина долго не могла уснуть, сидела, обхватив колени руками, и пялилась на уходящие высоченными стволами в небо ели. А лес не замолкал даже ночью. Обернёшься на шум - а это белка скачет, задевая ветки хвостом. Заглядишься на падающие звёзды - а там филин как заушает и крыльями хлопает, что сердце в пятки уходит. Только успокоишься - жук поползёт по ноге и упрётся щекочущими рогами прямо в пряжку на поясе. Вот и трать время, смахивай его обратно на землю.

Но звезда за звездой, и смотреть на небо стало уже невозможно. Глаза закрылись сами собой. Кутаясь в тоненький плащ, прихваченный из дома, Арлина и сама не поняла, как повалилась на влажный, но мягкий, травяной ковёр. А когда проснулась, то с удивлением обнаружила, что солнце уже давно встало, хоть и пряталось за свинцовыми тучами, несущими вместе с дождём по-осеннему ледяной ветер. Трава под Арлиной высохла, но изрядно примялась. Тело девушки по самый подбородок укрывал плащ, но не тот тонкий, в который она безуспешно куталась на заре ночи, а другой: в три раза плотнее, хоть и лёгкий, как пух, в два раза шире, домашнему тёплый и мягкий, а на вид старый и грязный, как и его хозяин, отдающий пылью и мышами.

Вздвoгнув, будто этими самыми мышами укушенная, Арлина брезгливо поморщилась и сбросила с себя плащ. И в тот же миг по телу побежали щекочущие мурашки, а холод, сравнимый разве что только с первым зимним морозом, забрался за воротник и пролетел по спине, норовя превратить девушку в глыбу льда. Лёд Арлина никогда не любила, даже в сладких анисовых настойках, а потому, недолго мешкая, одним рывком ухватилась за край отброшенного плаща и вновь закуталась в непродуваемую ткань чуть ли ни по самую макушку - только глаза и взъерошенные волосы торчали. Стреляя взглядом по сторонам, девушка вцепилась из стены обглоданных лосями кустов старика, приосанилась и крикнула:

- Он хоть не со вшами?

Колдовавший над ворохом из мелких веток, сухой древесной коры и еловых шишек старик поднял голову и нехотя ответил:

- Без них никак! С ними теплее.

Арлина недовольно засопела носом, но из-под плаща вылезти не решилась.

- А ты, я погляжу, уже и не против, - хихикнул старик, склонившись над муравейником из даров леса. Пара щелчков огнём, и в небо взвились непослушные змейки-искры, и вот уже затрещал, забеспокоился ярко-оранжевый костёр.

Арлина повела носом. Запах трескучих веток вперемешку с тлеющей травой дразнил и намекал о скором обеде, коего у девушки не было с позавчерашнего дня. Разглядеть, с чем там ещё копошится старик, было трудно. Арлина приподнялась и вытянула шею. Но даже так распознать, чем полны морщинистые руки, было невозможно. Куча нечто серого, на первый взгляд бесформенного, в таких же серых от грязи руках. Земля?

- Сероножки, - словно услышав мысли Арлины, ответил старик. - Эти грибы только на западных болотах растут. Хороши! Съешь один - и курицы не надо.

- А воды нет? - пискнула Арлина, облизывая сухие губы.

Старик отложил в сторону грибы, вытащил из бездонного кармана лохмотьев курительную трубку, выдул из неё всевозможные крошки и дохлых комаров, и набил всем, что попало под руку.

- Чем я тебе воду наберу? - проворчал он, поднося лучину с огнём к трубке. - Миску ты мою каблуком расколотила, второй у меня не водится. Родник там, - старик махнул в сторону. - Ладонями-то черпать поди умеешь?

Арлина кивнула и поднялась.

- Эй, погодь-ка, - окликнул девушку старик, пыхтя и раскуривая трубку, - плащ оставь. Потеряешь ненароком.

Без плаща тело сразу начало индеветь, но дым, идущий от костра, грел душу. Лелея мысль о том, что до родника рукой подать, а поток воды сделать проще, чем муху прихлопнуть, Арлина сломя голову бросилась в лесную чащу.

Бьющий хрусталем из-под земли ключ и правда был совсем рядом. Вода журчала и бурлила, неугомонными каплями оседала на башмаках и одежде и струилась сквозь пальцы. Прохладная, она побежала тоненькими струйками по лицу девушки, стоило той только зачерпнуть пригоршню и плеснуть себе на лоб, и смыла ночное беспокойство.

Назад Арлина возвращалась уже прибодрённая и в предвкушении печёных грибов, запах которых вмиг распространился чуть ли не на половину леса. Сероножки никогда не слыли деликатесом - ими обычно кормили свиней, а потом, когда коптили мясо, то запах от окорока шёл столь же богатый на лесные оттенки, как и запах самих сероножек.

То ли дело гриб-бочка! Вонь нет, хоть целую кадку засоли, а как закуска к беленькой шёл отлично. Отец по молодости частенько баловался ими. Засядет с рабочими, что весь день тюки и ящики на спинах таскают, и начнёт пить на равных, не пропуская ни одной стопки. Только и гляди, что подкладывает соленья да грибы - в противном случае белая даст о себе знать быстро: отцу ничего не будет, пить он всегда умел, причём кружками, а грузчикам по восходу солнца снова в порт за новый груз приниматься.

От воспоминаний об отце Арлине взгрустнулось. Даже мягких сероножек расхотелось. Желание было одно: быстрее, не чувствуя ни боли в ногах, ни сырого болота, ни усталости, бежать к замку за заветным эликсиром, а потом ещё быстрее обратно в родной дом и объятия любимого.

Негнущиеся от холода пальцы нырнули в мешочек на поясе и нащупали кольцо среди золотых монет. Вытащив его, Арлина залюбовалась игрой света на розовом камне, прозрачном, как слеза, и крупном, как спелая садовая виноградина. В королевских садах винограда какого сорта только не было. И особенно Арлина запомнила розовый, в тон бриллианту на обручальном кольце, под стать и вину, которое подавали в день помолвки. Такое же розовое, лёгкое и кружащее голову.

Недолго думая, Арлина надела кольцо на безымянный палец и развернула камнем вниз: так ценный бриллиант не поцарапается ни о пни, ни о ветки, ни о шишки. И подбадривать по

дороге к цели будет чаще, а это верный способ вернуться домой поскорее. И страшно подумать, что ещё даже половина пути не пройдено!

От этих ли мыслей или всё же от урчания в животе, но к пляшущему ярким пламенем костру Арлина вышла насупившаяся и угрюмая. Прошла к огню и плюхнулась на широкий камень, на котором ранее сидел старик, поднявшийся, чтобы собрать еловых иголок. Длинных и острых, таких, которыми поддевать горячие запечённые грибы и вытаскивать их из кучи раскаленного угля - одно удовольствие.

Старик вернулся к костру быстро и иголок принёс с собой целую охапку. Помусолив указательный палец, потыкал им сероножки, проверяя на прожаристость. Удовлетворительно хмыкнул, поддел ближний к себе гриб хвойной иглой, насадил на острие и откусил. Закрыв от удовольствия глаза, он так долго и мерно жевал, что у Арлины слюнки потекли и живот скрутило от голода. Не выдержав пытки, девушка схватила иголку, ткнула ей в другую раскалённую сероножку и торопливо, будто сейчас отберут, отправила гриб в рот. Не успев дожевать до конца и проглотить, потянулась за следующим. Так и запихивала в себя один за другим, пока не пришло первое чувство сытости, а старик, облизывая тоненькие, впалые, лишенные цвета губы, вдруг не сказал:

- Так ты поведай мне, старому человеку, что за зверь такой встал между тобой и короной?

- Ты же знаешь про сон, - промычала Арлина, раздутыми щеками напоминавшая хомяка.

- Невелика проблема! Пусть себе сбывается, при дворе-то останешься.

- В том-то и дело, что всё, о чём я так мечтала - любящий муж, слава принцессы, - исчезнет, стоит сну сбыться. А он, как назло, возьмёт и сбудется! - От отчаяния Арлина сжала кулачки и закусила нижнюю губу чуть ли ни до крови.

- И как же оно всё исчезнет? Это уже колдовство будет неслыханное, чтобы всё взяло и исчезло подчистую.

- Отец, - вздохнула Арлина, - подписал с королём договор, по которому меня и всю нашу семью вышвырнут из дворца, если с Мартаном что-то случится. А тут как назло сон... и карканье цыганки... Весь мир ополчился против меня!

- Знаки свыше, - старик многозначительно поднял вверх указательный палец, - для того и даны, чтобы уберечь нас от ошибок. Не торопись сердиться и корить гадалку. Авось, есть некий смысл в том, что она увидела среди линий на ладони. На вот лучше эту сероножку. Она сочнее, чем те, которые ты в себя напихала, и не червивая.

- Червивая?! - воскликнула девушка, выплевывая последний непрожёванный кусок и чувствуя, как к горлу подступает неприятная горечь.

- Да. Те я зажарил, чтобы приманить болотных красноптиц. На запах жареных сероножек они, как мотыльки на свет, слетаются. И яйца откладывают тут же большие и вкусные.

Арлина сглотнула, взяла в руку иголку с крупной тёмно-коричневой сероножкой, но откусить не смогла - настолько вкус и запах грибов стал в одно мгновение противен.

- Значит, всё дело в статусе... - многозначительно протянул старик после небольшой паузы, - а я уж было нафантазировал себе, что этот юнец тебе симпатичен. Всё-таки он не кривой и не калека, хотя слишком смазлив и прыщав в детстве был.

- Я люблю Мартана, - пылко ответила Арлина, и щеки покраснелись ярче пунцовой ягоды, среди которой она чуть было не утонула прошедшим днём. - Это настоящие чувства! Настоящая любовь!

- Любовь, - старик задумчиво закатил глаза. - Не ври мне про любовь-то. Я много лет живу на этом свете и многое повидал. Видел, как от истинной любви горят глаза, как сводит дыхание, а у тебя что? Так... простудная хрипотца и пара капель белозёрки на веко.

- Тоже мне знаток любви выискался, - проворчала Арлина, вспоминая, что действительно баловалась с белозёркой, когда в первый раз была представлена Мартану. Впрочем, достаточно

было принцу приложить к её пальцу обручальное кольцо, как в притворстве больше не было надобности. - У самого-то был кто?

Старик прикрыл глаза и начал загибать пальцы, считая.

- Две отказали, третью я сам не взял, четвёртая и пятая не любили домашних питомцев, шестая оказалась скупа, седьмой было больше лет, чем она мне заявила, восьмая как-то вечером раскинула карты и на следующий день попросила развод, а девятая... хм, с девятой ещё непонятно. Но как созреет, сделаю ей предложение. Отказать не посмеет.

- Ишь, любовник выискался. - Арлина поёжилась и пододвинулась поближе к костру. - Это кем же надо быть, чтобы за тебя согласиться пойти? Беззубой старухой или кривой лопухой деревенщиной, которую даже из жалости никто не берёт?

- Зубы девицы ещё не довелось рассмотреть, но должны быть все на месте.

- Неужели у неё поблизости нет никого... - Арлина презрительным взглядом окинула дряхлого старика, - ...помоложе?

- Разве годы - помеха для женитьбы? Столько лет топчусь, должно же хоть с девятой повезти.

- Будь я на её месте, - Арлина осеклась и тут же пояснила, - если бы, конечно, я уже состарилась и доживала последние дни или слепой была и глухой, я бы сто раз подумала и всё равно сказала бы «нет».

Старик задумчиво пригладил бороду.

- Если она скажет «нет», я верну тебе всё золото, которое причитается мне за помощь с эликсиром.

- По рукам! - кивнула Арлина, достойная дочь своего отца, мастера сделок.

- Пора выдвигаться, - заметил в ответ старик, поднимаясь с места и начиная тушить костёр. - Солнце по небу катится, не останавливается. Засидимся, заболтаемся, и вечер уже.

Арлина не спорила, тоже встала, выбросила в траву нетронутую сероножку и заторопилась за стариком.

Сначала шли молча, пробирались через непролазные заросли, протискивались меж разросшихся кустарников с дикой шиповой ягодой, переступали через поломанные и выкорчеванные с корнем столетние деревья, пролазили под низкими игольчатыми лапами елей и перепрыгивали через болотные ямы, сверху покрытые листьями и цветами, а стоит ступить - сразу по горло в трясину уйдёшь.

Света в лесной чаще практически не было. Мало того что небо затянуло тучами, так и само солнце редким лучом могло проткнуть щит из сросшихся воедино ветвей. Птиц слышно не было, белки тоже не шумели. Даже болотные комары и те притихли и затаились.

- Это и есть та самая волчья тропа? - спросила Арлина. Любая болтовня сейчас была к месту, лишь бы нарушить сводившую с ума лесную тишину. - Совсем не похоже ни на тропу, ни даже на тропинку. И волков не вижу.

- Она самая, - кивнул старик. - Волки тут кишели в древности; сейчас один-два пробегут, и то радость.

- Всех перебили охотники?

- Все волки перебрались в Смоляные горы почти сразу, как те отделились от Озёрного края.

- В Смоляных горах овцы жирнее, или с чего вдруг такое предпочтение?

- Штормовой замок на Обрыве скорби всегда покровительствовал волкам. Волчья морда выгравирована на воротах замка, а парадный наряд лорда Тайернака украшает волчий мех. Много историй вокруг этого ходит, но самая известная такая: давным-давно умирал молодой волк. Гончие псы загнали, да охотники стрелу в лапу всадили. Юный лорд Тайернак случайно нашёл его, выходил и отпустил обратно в лес. И с тех пор они были неразлучны. Стоило юноше попасть в беду - волк приходил на помощь; стоило волку оказаться в западне - мальчишка

оказывался рядом. Они читали мысли друг друга и дышали одним воздухом. И даже сейчас они вместе: прошли годы, волк состарился и умер, а его шкура до сих пор с хозяином Штормового замка, покрывает его плечи и напоминает о верной дружбе.

- Он же мог его воскресить... тем самым эликсиром, разве нет?

Старик закашлялся.

- Насколько мне известно, именно смерть любимого волка и заставила Тайернака задуматься о создании эликсира. Я слышал, он ночами не спал, рылся в книгах, ставил опыты и смешивал травы.

- Неужели это так сложно?

Старик сверкнул глазами.

- По-твоему, юная леди, создать эликсир жизни - это просто? Никому в нашем мире ещё не удавалось вторгаться во владения смерти и красть у неё то, что принадлежит ей по праву. Если у одного мага получилось, то ещё неизвестно, какую часть своей души он за такие знания продал!

- Если он так легко торгует своей душой, то и склянку мне продаст, - уверенно гнула свою линию Арлина.

Старик недовольно покосился в её сторону, но промолчал.

- А как ты планируешь пройти в замок, если хозяина нет на месте? Ворота нам откроют? - переступив через корягу, спросила девушка.

- Меня там каждая мышь знает. С привратником мы бывало любили трубку раскуривать, с лакеями - в карты резались, а кухарка - добрая женщина, очень добрая, на целых три подбородка - та вообще ко мне страстную страсть питает. Так и норовит откормить, только вот в меня больше чашки чечевичного супа не лезет.

- Чего же тебя Таварнак выгнал, коль ты такой милый?

- Тайернак, - поправил старик, - лорд не любит, когда...

- Когда коверкают его древнее имя, - закончила за старика Арлина, передразнивая его манеру говорить. - Знаю. Но твоего лорда рядом нет, в замке его тоже не предвидится. Как хочу, так и называю.

Старик усмехнулся.

- Я горбатился на Тайернака в его садах. Вырастил много трав, которые по его приказу потом срывал, вязал, сушил, молот и складывал в мешочки. А трав там не одна и не десять, а несколько сотен видов. И за каждой свой уход. И у каждой свои особенности. Стоило разок один стебелёк перепутать - и на тебе. На улице.

- Было б из-за чего. Всего-то один стебелёк.

- Ну, когда из-за этого стебелька вместо драконьего яйца получается куриное, то разница ощутима.

- Так вырасти ещё один.

- Темнолистник созревает раз в двести лет. Чувствуешь разницу?

- Не повезло тебе, - равнодушно кинула Арлина и нырнула вперёд старика в лесные дебри. Ель за елью стояла стеной. Но удар сердца за ударом сердца, шаг за шагом - стена начала редеть, а после и вовсе раздвинулась, пропуская обоих путников на широкую лесную опушку.

- Фу-х, отдохнуть само время, - выплеснул старик, опускаясь на пенёк и доставая курительную трубку.

- Надо идти дальше, - недовольно возразила Арлина.

- Вечер уж скоро, глянь на небо. Да и подкрепиться не мешает. Сейчас костёр разведу и поймаю кролика. Видел, снуют туда-сюда неподалёку серошейки. Мясо у них нежное, а шерсть тебе на рукавицы пойдёт.

Арлина согласилась. Жареного кролика хотелось больше всего на свете, тем более что и разведённый костёр затрещал так, что мысли были только о горячем супе и большом куске мяса.

Оставшись на поляне одна, Арлина подкинула дров в огонь, присела на пенёк, развернула надетое на палец обручальное кольцо бриллиантом вверх и снова залюбовалась камнем. Сейчас кольцо сидело как надо, но, стоило отойти от костра, пальцы начинали индеветь, и кольцо легко ходило вперёд-назад и даже норовило слететь. Но снимать дорогую вещь Арлина не хотела - ничто так не подбадривало её, как мысли о Мартане и его ласках. Какая же она была дура, что отказала ему тогда в день венчания! О чём она только думала? О том, что несколько сотен пар глаз на неё смотрят? О том, что вперёд на месяц тема для обсуждений во всех салонах всех королевств обеспечена? О том, что Мартан может её неверно понять? Впрочем, он и так её не понял, даже Ланса следить приставил. Как только стражников возле дома не догадался оставить? С собаками. Лаяли и рычали бы всю ночь - не давали спать. Так и слышишь утробный рык, то ли недовольный, то ли угрожающий.

Арлина подняла голову и похолодела.

Нет, костёр вовсе не потух - оранжевые языки пламени продолжали змейка за змейкой подниматься в небо и брызгать искрами. Ветер тоже не налетел, а небо не потемнело. Но из лесной чащи, сверкая чёрными, как смоль, глазами, рыча и щетинясь, выступил волк. Переступая с лапы на лапу, он медленно двигался вдоль полосы из елей, выискивая, как прыгнуть и вонзить клыки в жертву так, чтобы не опалить шкуру.

Рука сама потянулась к костру. Вытащила одно из недавно подкинутых поленьев, успевших заняться огнём только с одной стороны, и крепко его сжала. Медленно поднявшись, девушка выставила пылающую деревяшку вперёд, готовая ткнуть ей в волка, стоит тому только приблизиться. Волк оскалился, а по опушке пронёсся такой силы рёв, что Арлина застыла на месте.

Рычал не волк напротив, нет. Тот лишь переминался с лапы на лапу, выгибал спину, ершился и показывал клыки. Голодным взглядом смотрел на перепуганную Арлину, но нападать не решался. Устрашающее урчание шло с другой стороны, справа, совсем рядом с костром, а от того ноги стали ещё более ватными. Не дыша, Арлина медленно повернула голову вправо, и ушедшее в одну пятку сердце перешло бы в другую, если бы только путь не был столь долог. Из леса, перешагивая через поваленный сухостой, медленно и осторожно вышел второй волк.

Крупнее раза в два, выше и страшнее, волк хищно оскалился, и с огромных белых клыков на землю упали капли слюны. Бело-серая шея взъерошилась на выгнутой спине и встопорщилась острыми иголками. Глаза сверкнули лунным блеском, и раздался громкий вой, леденящий душу и сковывающий мысли.

Они стояли друг против друга - два волка, оба, лелеявших надежду на скорый обед, и оба, считавших, что жертва должна принадлежать лишь одному из них. Чуть наклонив морду, белый волк сделал ещё один шаг вперёд и снова угрожающе зарычал. Чёрный в ответ только прижал хвост и попятился обратно в глубину леса, еле слышно поскуливая. Стоило ему скрыться за широкими еловыми лапами, белый тут же развернулся в сторону Арлины и разинул пасть.

Не в силах больше терпеть, не понимая, что она делает, не думая ни о чём, Арлина выронила горящую палку и бросилась бежать. В самую чащу леса, густую и непролазную, полную топких болот, ядовитых пауков, оврагов-ловушек и травы, острой как кинжал.

Арлина бежала, не разбирая дороги, огибала деревья, уворачивалась от веток, норовивших проткнуть глаз, перепрыгивала через пни и ямы, наступала на муравейники и обдирала ноги о колючки чуть ли ни в кровь. В ушах стоял ветер, волчий рык и шум погони. Зверь мчался за ней, его тяжёлый бег отдавался эхом в вышине немого леса. Она чувствовала, как

он дышит ей в спину, как лязгает зубами прямо около её шеи, но вцепиться в нежную кожу у него никак не получается.

Не останавливаясь ни на секунду, не оборачиваясь и с трудом дыша, Арлина всё бежала и бежала, пока левая нога не запуталась в выползших наружу корнях трёхсотлетней сосны, правая не запнулась о кучу шишек, погрызенных и сваленных на землю белками, а сама девушка со всего разбега не наскочила на раскоряченное дерево, не ударилась лбом о сухой ствол и не рухнула на землю. В небо взвился столп листьев, сухих вперемешку с подмоченными, и всё они опали на спину потерявшей сознание дочери де Врисса. В лесу воцарила гробовая тишина, и никакими волками и в помине не пахло.

Глава 8. Честь или кошелёк?

- Ты тоже это слышишь, Ярис?
- Тише там. Не сопи мне в спину.
- Это не я, это Клык.
- Это он слюней мне в сапог налил?
- Не я же.
- Тьфу. Убери псину и помолчи.

Двое - белобрысый юноша с белёсыми бровями, худощавый, но жилистый, и крепкого телосложения подельник, черноволосый и с густыми сросшимися на переносице бровями, - сидели на корточках в зарослях мухоловки и осторожно выглядывали поверх колючих веток. Рядом с ними крутился и тявкал щенок, короткошерстный и без единого клыка.

По ладони темноволосого побежали муравьи-щекотуны, нырнули под рукав рубахи и засеменили лапками к спине. Заёрзав на месте, крепыш тут же получил от белобрысого подзатыльник, но муравьев это не убедило.

- Успокойшься ты или нет? - пшикнул худой и коснулся руками веток, раздвигая их.
- Что там, что там? - забеспокоился и без кустов беспокойный приятель, беспорядочно похлопывая себя по спине. Но муравьи как-то успевали давать деру в промежутках между первым хлопком и следующим и шустро перемещались в противоположном направлении.
- Пока ничего не вижу, - шёпотом ответил белобрысый.
- Но ты же слышал это, Ярис? Слышал? Словно собака большая промчалась. Или волк.
- Заткнись, Рени, только мешаешь. Волков в наших лесах днём с огнём не сыщешь. Охотиться - одна скука.

- Тогда кто это мог быть? С таким-то рыком?

Тот, кого называли Рени, вытащил рубаху из штанов и начал торопливо стряхивать с неё назойливых муравьев.

- Может, болота урчат.
- У меня отродясь так сердце в пятки не уходило от болот. Бьюсь об заклад, волки начали возвращаться. Смотри-ка, в тех кустах кто-то шевелится!

Ярис приложил палец к губам и всмотрелся в ту сторону, куда указывал приятель. Действительно, ветви куста мухоловки в двадцати шагах от их места неестественно волновались. Ярис напрягся и покрепче сжал нож. Смирившийся с последним неизгнанным муравьем под рубахой, Рени затаил дыхание и на всякий случай насупил брови, и без того угрожающе выглядывшие.

Заросли колючей мухоловки раздвинулись, и вперёд ступила нога в стоптанном башмаке с отваливающейся подошвой, а следом за ней показалось и сторбленное дряхлое тело, одетое в поношенные лохмотья: старик, чьё лицо невозможно было разглядеть за стеной длинных, спутанных и годами невымытых серебристо-седых волос. Да и разглядывать там особо было нечего. Давно уж забылась и свежесть юношеская, и сила звериная - осталась лишь унылая старость. Рени радостно выдохнул, а Ярис опустил нож, поднялся и вышел навстречу старику.

- Ты как сюда забрался, дед? В эти края уж много лет ни один человечиска не забредал. Ну, кроме нас с приятелем. Мы в этих местах свои.

Старик вздрогнул, замер и вскинул голову. Поднял костлявую руку, чтобы смахнуть с лица прядь белых волос, второй рукой опёрся на шаткую деревянную палку. От взгляда его впалых глаз Яриса окатило неприятным холодом.

- Может, ему помочь чем? - взволнованно спросил Рени, поднимаясь с колен и вставая рядом с другом.

- Эй, дедуля! Может, помочь чем? - повторил вопрос Ярис, всё ещё ёжась от непонятного чувства.

Старик прищурился и прошамкал:

- Дай-ка свою флягу, милок. Она у тебя с колодезной водой?

Ярис поначалу опешил, но флягу снял и протянул старику.

- Родники тут повсюду. Или не нашёл ни одного?

- Может, он больной? - шепнул Рени.

- Скорее не от мира сего, - ответ был таким же шёпотом.

Наблюдая за стариком, Ярис старался больше не встречаться с ним взглядом. А ещё на всякий случай покрепче сжал рукоять ножа. Слишком сильным был холодок, пробежавший по спине, чтобы так просто взять и забыть, как сверкнули старческие глаза, какой ледяной огонь бушевал в них, и как резко он погас, стоило Рени заикнуться о помощи.

Старикашка же, крепко схватив флягу, присел на корточки и начал перебирать листья и травы, срывая некоторые, измельчая стёртыми подушечками пальцев и бросая по щепотке во флягу. Тщательно взболтав всё, что накидал, он поднялся и кинул:

- Идите за мной.

Ярис переглянулся с Рени. Оба, немного помешкав, всё же двинулись следом.

Шли недолго. Всего-то обошли вытянутый овраг, переступили через поваленное дерево, такое широкое, что и втроём не обхватить, и вышли к коврику из шишек и листьев, укрывавшему распластанное по земле тело. Тело мальчишки, вероятно, но... Ярис всмотрелся. Тоненькая рука, выглядывающая из-под вороха еловых иголок, была чересчур изящна даже для совсем юного паренька, а уж длинные, слегка выющиеся каштановые волосы, разметавшиеся в разные стороны, и вовсе говорили об обратном.

- Подсоби, - только и кинул старик, прерывая размышления Яриса, и опустился на колени рядом с бездыханной девушкой.

- Твоя внучка, дед? - Ярис опустился рядом и приподнял голову Арлины так, как указывал старик.

- Моя, моя, - прошамкал тот в ответ, осторожно пальцами размыкая губы девушки и поднося к ним флягу с водой и травами.

Несколько капель цвета мутной болотной жижи попали на сухие губы Арлины и нырнули внутрь. В тот же миг щеки девушки зарумянились, грудь приподнялась на глубоком вдохе, глаза открылись, а из горла вырвался сильный сухой кашель. Внутри все жгло огнём и разрывало на части, хотелось потушить пожар глотком родниковой воды, но родника рядом не было. Только ели, пни, сломанные ветки, листья и шишки. А ещё три пары глаз, в упор смотрящие на неё и не мигающие, и вдобавок к ним маленькие щенячьи блестящие глазки-бусинки.

- А волки ушли? - только и смогла выдавить Арлина после того, как первая волна пламени прошла и дар речи более менее вернулся.

- Волки? - визг Рени совсем не вязался с его крепким телосложением.

- Не водится в этом лесу никаких волков, - поспешил свести на нет панику старик.

- Не водится?! - Арлина закричала бы, если б голос не был ещё столь слаб, но вместо крика получился только мышинный писк, прерываемый новой волной кашля. - Как это не водится? Те двое чуть не разорвали меня на части. А второй гнался за мной - думала, сейчас вопьётся зубами. Даже слюной обрызгать успел! Смотри!

Арлина ткнула пальцем на свой башмак, на котором блестело непонятное пятно.

- Это всё Клык, - залился краской Рени, отгоняя щенка от девушки.

- Головой ударилась о дерево, - объяснил старик удивленному Ярису.

- Я в своём уме, - огрызнулась Арлина. - Да, упала, но пробежала пол леса, наверно, чтобы от волка скрыться.

- Ну, если тридцать шагов для тебя - пол леса... - криво усмехнулся старик.

- Тридцать шагов?
- Опушка за этими елями, - старик махнул рукой.
- Но я бежала долго.
- Я тоже долго тебя искал. Никак не думал, что ты за первой шишконосной устроилась.
- Первой шишконосной? - ахнула Арлина, вскакивая на ноги.

Бросившись к частоколу из тощих сосен, протиснулась между ними, раздвинула заросли не на шутку разросшейся мухоловки и увидела опушку. Костёр почти догорел, пойманного кролика так и не зажарили. Вокруг было тихо и спокойно.

- Ничего не понимаю, - пробормотала Арлина.

- Кто вы такие? - спросил Ярис, пробираясь через кусты на поляну. Пошевелив носком сапога угли в костре, он сорвал травинку и начал ковыряться ею в зубах. - Никогда не примечал вас раньше в наших краях.

- Клянусь, я видела волка! - искренне выплеснула Арлина, оборачиваясь к старику, но тот проковылял мимо и даже не остановился, и не кинул ни одного, даже самого недовольного взгляда.

- Мы идём в Смоляные горы. Я ещё держусь, но вот она сильно устала и проголодалась. Нет ли поблизости какого трактира или деревеньки, где с радостью примут измученных путников?

- Моя тётка держит трактир на западном тракте. Отсюда недалеко, до заката доберемся успеем, ещё и поесть чего останется.

- Западный тракт? - побледнела Арлина.

- Думаю, у нас нет выбора, - покачал головой старик и посмотрел на девушку.

- Я чуть не утонула в болоте, меня чуть не растерзали волки, а ты хочешь, чтобы... - Арлина и сама не поняла, как губы склеились, и последние слова было совсем не разобрать. Сплошное мычание.

- Скажите-ка, любезнейшие, - старик перевёл взгляд на Яриса и Рени, и губы девушки в тот же миг разомкнулись, - что нынче на западном тракте совсем беспокойно стало? Чай, ловят кого? Разбойников или беглецов каких?

- Тишь да гладь кругом, - пробасил Ярис. - У охотников гончие псы жиром обросли да обленились. На лисицу ходить нет забавы, а волка ни одного нет - хоть ты тресни!

Услышав про волков, Арлина недоверчиво хмыкнула, приблизилась к костру и села рядышком, грея руки об ещё тёплые угли.

- А королевских плащей на тракте, наверно, вообще развелось, как муравьев у него под рубашкой? - продолжал интересоваться старик, ткнув кривым пальцем в изумлённого Рени.

- Отродясь не видывали. Кому наше захолустье нужно?

- А разве принц Мартан не распорядился... - подала было полный возмущения голос Арлина, но тут же осеклась, получив лёгкий тычок деревянной палкой в бок.

- И правда, - поспешил поддакнуть Ярису старик, - отсюда до Смоляных гор рукой подать, а королю Озёрного края до окраин никогда дела не было.

- Пойдёмте с нами. - Ярис встал, подал руку Арлине и помог подняться. - Сейчас осень, путников на тракте мало, у тётки есть свободные комнаты. Сдаёт она их недорого, а еду подаёт на редкость не пересоленную. Пиво за счёт заведения, если заказываете жареного кабана.

- От жареного кабана не откажусь. И пиво лишним не будет, - каркнул старик. - Говоришь, до заката доберёмся?

- Ещё и половина несъеденного кабана останется. - Ярис растянул губы в улыбке и, придерживая за талию ещё не до конца окрепшую Арлину, пошёл рядом с ней. Идти старался нога в ногу, чтобышний раз не торопить измождённую девушку. Старик и Рени с щенком быстро оторвались от них и ушли вперёд.

Солнце уже заходило за горизонт, когда все четверо вышли на дорогу и, немного пройдя по ней, оказались на развилке, на которой в тени деревьев прятался неказистый трактир. Это было одно из тех крайне малоизвестных мест, которые, как правило, встречаются вдали от никогда не спящих городов, весёлых деревень, изъезженных и истоптанных тропинок, а также рыбных, ягодных и грибных мест, где рыбаков, лесников и охотников бывает больше, чем добычи.

Серый, как и всё вокруг, с прохудившейся крышей, скрипучими полами и расшатанной лестницей, трактир «Волчья радость» двери перед стариком и девушкой распахнул не сразу. Несмотря на то, что крепышом смотрелся Рени, Ярису пришлось попотеть, поднажать, попытаться и, в конце концов, вышибить дверь ногой. Громыкнув, та со всей силы приложила о стену и подалась обратно на Яриса, грозя того прихлопнуть.

- Только починили! - из темноты зала послышался пронзительный голос, а к дверям сразу, подбирая мешающиеся полы юбки, поспешила пожилая толстуха, белёсая, как и Ярис, и вся до сих пор в веснушках. Размахивая застиранным полотенцем, она хмурила бесцветные брови и сыпала бранными словами. - Только починили, а он опять за старое! Сколько твердить: приподними потихоньку, чтобы верхняя петля на место встала, оно и откроется само собой. А теперь опять расходы!

- Принимай гостей, тётка! - отмахнулся Ярис, уклоняясь от удара полотенцем, который пришёлся в аккурат на седую макушку старика.

Толстуха заохала, запричитала, извиняясь за досадную оплошность, и тут же предложила горячего пунша, сколько душе угодно, и всё бесплатно. Правда, пунш в «Волчьей радости» уже давно изрядно разбавляли сырой водой, но никто не жаловался, и хозяева недостатка в клиентах не испытывали.

Деревянный стол накрыли быстро. От жареного кабана мяса осталось меньше, чем обещал Ярис, но мозговые кости были такими сочными, что старик тут же вцепился в одну из них и с наслаждением потягивал костный сок, отвлекаясь только на печёную картошку с шелухой, политую маслом с толчёной петрушкой. Арлина голодными глазами смотрела на остатки кабана, не решаясь последовать примеру старика и впиться зубами в костное мясо, но выбора не оставалось. Осторожно, стараясь не испачкать в свином жире изящные ухоженные пальцы, он взяла одну косточку и помахала ей перед глазами, изучая. Затем высунула кончик языка и робко её лизнула. На вкус ничего. И даже пахнет терпимо.

- Ещё давай, - легонько пнул её под столом старик. - А то смотришь на неё, как принц на лягушку. Не заговорит она с тобой, и принца из кабана не выйдет. Да и есть у тебя уже один. Ждёт поди, вздыхает, кручинится.

- Да, - горделиво ответила Арлина. - Он тоскует по мне и места себе не находит. А по тебе никто не вздыхает, вот и ворчишь.

- Возраст такой - ворчать положено. Клюкву подай.

Арлина передала чашку с маринованными ягодами.

- Он на тебя весь вечер пялится. Так и ест взглядом, словно утиную ножку обглаживает, - пробурчал старик, хмурясь и кидая недовольный взгляд в сторону Яриса. Тот летал от стола к столу, разнося пиво, пунш и чего покрепче гостям, которые никак не хотели расходиться и просили ещё и ещё. Время от времени, когда посетитель медлил, вытаскивая испачканными в жире пальцами монетку из пухлого или же тощего кошелька, Ярис бросал косые взгляды в сторону Арлины и улыбался уголками губ.

- Неудивительно. - Арлина поймала на себе очередной взгляд белобрысого юноши и играючи повела бровями в ответ. - Я красива даже в этих лохмотьях, умна и юна. Не то что твоя будущая девятая жена. Вдобавок я ещё и богата, но он об этом пока не знает.

- Ты и правда ничего так. Нос бы только подправить. Но мужики не на нос клюют, а на твои ноги, которые белыми спицами из штанов торчат. Ещё короче надеть не могла? Мы так до Смоляных гор до зимы не дойдём - все на тебя пялиться будут.

Арлина смутилась, подёргала штаны, но те стать длиннее никак не смогли. Оставалось только засунуть ноги подальше под скамью, чтобы темнота под лавкой тщательно укрыла бледный цвет кожи.

- С вас три медяка за ужин, ночлег и лошадей на завтра, - услышала Арлина над собой голос хозяйки, спешно собирающей пустые тарелки и смахивающей крошки со стола.

- Расплатись, - старик толкнул Арлину локтем в бок.

- Вот ещё, - задрал нос, бросила та. - Ты потащил меня на западный тракт, ты и плати.

- Я не собираюсь тратить положенное мне за эликсир золота на всякую ерунду. Мне самому по болотам тащиться только в радость. Это не я сунулся в самую трясиину и чуть не утонул в ней, не я объелся червивых грибов, а потом налетел лбом на сосну и лежал почти что мёртвый. Хорошо ещё я знаю наизусть рецепт зелья-бодруна - всему милорд в своё время научил, иначе лежать бы тебе там ещё долго. Куда безопаснее тебя западным трактом вести, чем с тобой по лесам бродить.

- Хорошо.

Арлина недовольно засопела и полезла в мешочек на поясе. Вытащила золотой и положила на обшарпанный стол.

При виде золота тётка Яриса охнула, осела, замахала грязной тряпкой, приводя себя в чувство. Затем робко, будто боялась, что монета укусит, коснулась её кончиками пальцев, попробовала на зуб и сунула в карман передника.

- Благодарствую. - Хозяйка разинула рот в широкой улыбке и попятилась назад к кухне.

- Погоди-ка. - Арлина сдвинула брови и развернулась к старику. - Она говорила только по одну комнату. Ты что же будешь спать вместе со мной?

- Как в лесу моим плащом укрываться, так ты не краснела, - развёл тот руками, в одной из которых была обглоданная кабанья кость, а в другой - кружка с остывшим пуншем. - А как в одной келье ночь перетерпеть, так сразу в невинность играешь.

- Надеюсь, кроватей там будет две, - рыкнула Арлина.

- Надеюсь, там вообще будут кровати, - ехидно заметил старик.

Арлина подскочила со скамьи как ужаленная. Старик кинул полный удивления взгляд на лавку, но никого наподобие осы или пчёлы не заметил.

- Я посмотреть, что за клоповник стоил мне целого золотого! - воскликнула девушка и сорвалась с места, прихватив с собой ржавый ключ, который положила на стол хозяйка.

Комнатка, отведённая за целое состояние, была крохотной и тёмной. Одной свечи вполне хватило, чтобы осветить её всю от одной стены до другой и от пола до потолка. В углу стояла кровать, на которую Арлина сесть не решилась: либо та провалится сразу после того, как девушка к ней прикоснется, либо тараканов из неё выпрыгнет столько, что ночёвка в лесу сразу покажется сказкой. В самой середине комнаты, стоило только распахнуть дверь, высился огромный стол из дешёвого дерева, но совсем не было стульев. Зачем он здесь такой громадный, Арлине было невдомёк, но о том, что комнатка пользовалась спросом, говорили многочисленные объедки и рыбы скелеты, которые никто не соизволил убрать, и они валялись на полу на самом видном месте.

Окончательно поникнув, Арлина повернула кольцо на пальце камнем вверх и с грустью посмотрела на бриллиант. Если бы ей заранее сказали, что путь в Смоляные горы будет столь тернист, решилась бы она? Арлина прикрыла глаза, и перед ней всплыл образ Мартана, мило улыбающегося, протягивающего ей чайную розу, с которой пчёлы ещё не успели собрать ароматный нектар, а затем примеряющего к её голове роскошную тиару, всю усыпанную прозрач-

ными, как слеза, бриллиантами. Тряхнув головой, Арлина открыла глаза, повернула кольцо обратно камнем вниз и уверенно пнула рыбий скелет далеко в угол.

В дверь требовательно постучали и толкнули от себя. На пороге стоял Ярис, в одной руке держал увядший подсолнух, а в другой - бутылку из мутного стекла, в котором булькала такая же мутная вонючая жидкость. Его глаза одержимо блестели, как блестят у охотника, увидевшего, наконец, долгожданную добычу и медленно к ней подкрадывающегося. А, может, и быстро, потому как, не дожидаясь приглашения, Ярис переступил порог и ногой захлопнул дверь.

- Что тебе нужно?

Сердце Арлины громко застучало, а сама она неуверенно попятилась назад, но быстро замерла на месте, уперевшись спиной в тот самый злосчастный стол. Далее отступать было некуда - только на стол лезть.

Зелёно-болотные глаза Яриса зыркнули по сторонам.

- Я правильно понял твой намёк? - Ярис обольстительно ухмыльнулся и сунул Арлине под нос щекочущий семечками подсолнух.

- К-какой ещё намёк?

- Ты и сейчас продолжаешь заигрывать? - Ярис растянул губы в улыбке до ушей. - Мне определённо нравится!

- Я закричу, - пискнула девушка, набирая полные лёгкие воздуха.

- А стоит ли? - Ярис мурлыкал, словно кот, отхвативший крынку, полную жирных сливок.

- Я видел, какие взгляды ты бросала на меня за ужином. А как ты заливалась павлином в лесу!

- Соловьём, - поправила Арлина.

- Чего?

- Заливаются соловьи.

- А пёс с ними! Ни того, ни другого не слышал.

Грохнув бутылкой о стол, Ярис припечатал Арлину к краю настолько сильно, что та ощутила, как надавил чехол с охотничьим ножом, прикрепленный к его поясу. А ещё его крепкая рука чуть ли ни приклеилась к её талии, а вторая - настойчиво заскользила по бедру.

- Ничего я не заливалась. - Арлина попыталась брыкаться, но Ярис держал крепко.

- А как же все эти подмигивания, полуоткрытые губки и подзывающие жесты?

- Я хотела ещё кабана.

- А я подумал, что ты хотела меня.

Ярис потянулся губами к шее Арлины. Его горячее дыхание вперемешку с неудержимым сопением готовилось вот-вот ошпарить, но троекратный стук в дверь заставил обоих вздрогнуть: Яриса - раздражённо, Арлину - облегчённо.

- Кто там ещё? - недовольно крикнул Ярис, не отрывая рук от девушки и даже не поворачивая головы в сторону скрипнувшей двери.

- Это всего лишь я, моя ненаглядная.

В дверной проём просунулась в снег седая голова, а Арлина впервые за последние дни была рада знакомому замогильному голосу.

Впалые глаза шустро забегали по комнате, изучая накалившуюся обстановку. Крючковые пальцы левой руки, через тонкую кожу которой просвечивали вены, сжимали деревянную палку так крепко, что, казалось, она вот-вот треснет: настолько сухо было дерево, и настолько сильны пальцы. Ноги шарканьем резали слух, но Арлина посчитала, что лучше оглохнуть, чем остаться один на один с Ярисом ещё раз.

- Чего забыл, дед? - Ярис неохотно оторвал руку от талии Арлины, взял бутылку и отхлебнул прямо из горла. - Не видишь, мы заняты.

- Пришёл пожелать своей женушке приятных снов и исполнить супружеский долг, а тут, смотря, на мою кобылку уже не только глаз, но и руки положили.

Остолбенели оба: и выплюнувший мутное вино Ярис, и залившаяся краской Арлина.

- Оседлать решил? - Старик ткнул Яриса палкой в спину, и тот тут же отдернул от Арлины вторую руку. - А ты тоже хороша! Ноги бы хоть прикрыла. Бесстыдница! Изменить мне удумала?

- П-постойте, - теперь пришла очередь Яриса заикаться, - так вы оба... ты и он...

- Взял её девицей уже порченной, бестолковой и ничему не ученой, а она мне такие кренделя ногами выделяет!

- Ты и он... - Ярис попятился к дверям, тыча пальцем попеременно то в старика, то в девушку.

- Кольцо видел? - старик сграбастал кисть Арлины и сунул чуть ли ни под нос Ярису. - Чай, медовый месяц у нас. Шуруй живее и пойло своё заberi. Оно несвежее.

Ярис заводил бровями, нащупал позади себя дверь, распахнул её и нырнул в тёмный коридор, а оттуда тут же загромыхал сапогами по лестнице.

- И не благодари, - отмахнулся старик, как только Арлина приоткрыла рот, чтобы что-то сказать.

Со всего размаха плюхнувшись на скрипучую кровать, старикашка скинул с себя измазанные в грязи башмаки и вытянулся во весь рост, поглаживая бороду и уставившись в потолок.

- Если ты ещё раз позволишь себе нечто подобное... - начала Арлина, но старик тут же оборвал её на полуслове.

- А если не позволю, то жених тебя получит товаром уже далеко не первой свежести. Не знаешь, что это такое? Спроси у отца, он поведает тебе о том, какова разница между товаром свежим и порченным.

Арлина прикусила губу.

- А теперь туши свечу и ложишь. Вставать нам рано.

- Ты занял всю кровать, - фыркнула Арлина. - Ты же не думаешь, что я лягу с тобой.

- И не мечтай, - ответил старик. - Расстели мой плащ на полу - там и ложись. Мыши, если и будут ночью бегать, то тебя не тронут.

- А если...

- Спи, - отрезал старик, отвернулся к стене и захрапел.

Задув свечу, Арлина села на плащ. Долго так сидела, уставившись в темноту. Но сон одержал верх, а спину ломило так, что просто необходимо было лечь.

Спать на полу на удивление оказалось приятно. Не жёстко, как поначалу подозревала Арлина, не холодно, а наоборот мягко и тепло. Будто сотня перин была под спиной, успокаивающих, убаюкивающих и рассеивающих неприятные мысли.

Проснулась Арлина с первым лучом солнца. Сладко потянулась, но едва открыла глаза, как тут же выпрямилась в струнку. Прямо над ней склонился старикашка.

- Наконец-то, - проворчал он, - думал, ты ещё век будешь дрыхнуть. Лошадей я уже проверил. Твой вчерашний ухажёр хотел подсунуть нам загнанных, но я вовремя вмешался. Загнанных за целый золотой-то! Вот мерзавец!

Арлина потёрла полусонные глаза и поднялась с плаща. Удивительно, вроде и не слишком плотный, а такой мягкий! Надо будет разведать у старикашки, что за ткань и в чём секрет, и такой же заказать. Не себе - отцу. Тот часто, бывает, ночует на складах, а условия там, мягко говоря, не королевские.

На дворе было по-осеннему прохладно. Поёжившись, Арлина с завистью посмотрела на хлопотавшего около лошадей старикашку, плечи которого укрывал тот самый для всех целей подходящий плащ. Подышав на холодные пальцы, Арлина попрыгала на месте, чтобы согреться, как вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд. Обернувшись, сразу встретилась глазами с Ярисом, стоявшим в дверях конюшни и криво ухмылявшимся. Сделав вид, что ей эта ухмылка глубоко безразлична, Арлина отвернулась, прошла к лошадям и запрыгнула

на ту, которая полагалась ей. Старик, путаясь в полах длинного широкого плаща, долго карабкался на свою, но вскоре тоже уселся, и обе лошади тронулись. До Смоляных гор было уже совсем близко - в расступавшемся утреннем тумане можно было увидеть острые чёрные пики, уходящие в небо и рассекающие низкие облака.

Всё то время, пока лошади не повернули на горную тропу и не исчезли из вида, Ярис так и стоял в дверях конюшни, скрестив на груди руки. Но стоило только старику и девушке скрыться за поворотом, как скрипнула дверь трактира, и на улицу выглянула круглощёкая тётка Яриса и поманила племянника пальцем.

- Ну что там? - нетерпеливо спросила она, шаря глазами по карманам на кафтане Яриса.

- Всё складно, как в песне, - ответил тот, залез рукой в правый карман и вытащил оттуда горсть золотых монет.

Глаза тётки довольно сверкнули.

- Я так и думала, что та монета у неё не единственная. Как у тебя получилось?

- Просто я умею обольщать, - подмигнул Ярис и бросил украденные золотые обратно в карман к остальным.

Глава 9. Ледяная башня

Цепкие пальцы ловко смахнули столбики из золотых монет в холщовый мешок и затянули верёвку.

- Для первого взноса сойдёт, но до полной суммы не дотянули, - вынес вердикт Флинн, зачёркивая тощим пером на бумажке одну цифру и строка вместо неё другую. - Впрочем, у вас ещё есть время.

Сидевший в кресле напротив Мартан заёрзал, словно под ним была не мягкая обивка, а колючий ёж, и вкрадчиво спросил:

- А принимаете только монетой?

- Исключительно, - тоном, не предполагающим возражений, ответил Флинн и тут же добавил: - А что у вас имеется?

- Шкурки куниц, лисий мех, специи разные, для всяческих блюд пригожие, шелка, парча, ленты, кружева, банты, кожа на сапоги, посуда. В общем, всего навалом, половину королевского двора заняло, не знаем уже, куда толкать.

- А продать?

Выдержки Мартана хватило ненадолго - он вспыхнул.

- Я не торгаш какой-нибудь, чтобы мешки туда-сюда пихать, а принц.

- Алистер де Врисс мог бы сбыть весь товар за сутки, не отбери вы у него всё. - Флинн многозначительно повёл невыразительными бровями. - Да-да, мы в курсе того, что произошло. Все королевства взахлёб обсуждают. Де Врисс был фигурой видной и не только из-за своего телосложения. За ним стояли сильные связи, а вы взяли меч и всё обрубали. Не пробовали пойти на мировую и просить его помочь с продажами?

Не стой вокруг Флинна трое головорезов, готовых в любой момент выхватить ножи и пырнуть любого, будь то хоть сам король, Мартан накинулся бы на нахального раздавалу и свернул тому шею. Но пришлось сглотнуть брошенный в его адрес упрёк и ответить:

- Не в правилах принца кого-либо просить. Торгаш и есть торгаш, низший сорт.

- Тогда сбывать его добро вам придётся ещё долго. Связи де Врисса в деловых кругах...

- Я нанял других профессионалов, - перебил Мартан. - Они продадут товар быстро и без существенных потерь. За сто дней управятся.

- Девяносто, - щёлкая костяшками пальцев, поправил Флинн.

- Это почти столько же, сколько и сто, - поморщился Мартан.

- Только на десять дней меньше.

Мартан поджал губы и ненавидящим взглядом вперился в нахального раздавалу. Тот, валяжно развалившись в кресле, рассматривал свои ногти и довольно ухмылялся.

- Это угроза? - вкрадчиво спросил принц, прищулив глаза.

- Ну-ну, какая же это угроза. Это договор, мой милый юноша. Вас проигрывать нам целое состояние никто не заставлял, но платить по долгам мы вас обяжем. А нет - вы знаете, что вас ждёт.

- Если хоть волосок упадёт с моей головы... - начал было принц, поднимаясь с кресла и положив руку на эфес шпаги. Закончить, однако, не удалось - охрана Флинна была начеку, и три острых лезвия оказались у горла, спины и сердца Мартана раньше, чем он успел ощутить пальцами холодный металл рукояти своего собственного оружия.

- То что? - передразнивая тон его высочества, подался вперёд Флинн. - Пришлёте кучу королевских солдат и упечёте нас в темницу? Вы ещё мальчишка и не понимаете, с какой непотопляемой глыбой связались. Думаете, наш городишко зря получил статус нейтральных земель? К нам за развлечением приходите не только вы. Не только вас ласкают наши девицы,

не только ваши прихоти исполняют. Наследный принц Рольстен из Королевства за Морем, его отец, его брат, его дядька и даже его дед - все они бывают у нас, чтобы отдохнуть от ворчливых жён. Младший брат короля Кривого Разлома не выходит от нас уже вторую неделю. Проигрался, будь здоров, и требует новую партию. Я уже молчу о графах, маркизах, баронах и прочих знатных господах. В лавках модисток они жмутся за каждый грош, покупая жене шубу, а здесь швыряют золото направо и налево. И вы серьёзно хотите всех настроить против себя? Желая потешить своё самолюбие, вы развяжете войну? Никто не встанет на вашу сторону. Никто не обратит оружие против нас. Все исправно платят по долгам и не собираются отказываться от развлечений в угоду вам, ваша милость. Будьте так любезны, заплатите и вы.

Мартан медленно убрал руку со шпаги - так же неторопливо подались назад и три заточенных лезвия, повидавшие на своём веку немало крови. Ни Флинн, ни принц не произносили больше ни слова, только буравили друг друга испытывающими на прочность взглядами. Так бы и молчали оба ещё долго, если бы Флинн не перевёл взгляд на мешок с монетами и не поинтересовался:

- А что счета банковские?

- Там пусто, - выдохнул Мартан.

- Совсем? - изумлению Флинна не было предела.

- Всё, что отдали мне банкиры, я принёс сегодня.

- Немыслимо. Чтобы у де Врисса и кот наплакал? А шептали, за свадебное ожерелье дочери стоит куда больше, чем вы в мешке приволокли.

Мартан вздрогнул.

- Ожерелье, - еле слышно произнёс он, припоминая, как три переплетённые между собой нитки розового, бежевого и золотого жемчуга обвивали тонкую шею Арлины. - Какой же я идиот! - Мартан воскликнул и дал себе кулаком по лбу.

Флинн довольно оскалился и сверкнул золотым зубом.

- Я рад, что ещё не всё потеряно.

- Драгоценности, - бормотал Мартан, словно зачарованный. - Хитрый лис все деньги переводил в драгоценности. Вот почему в банке на его счетах монет только на карманные расходы. Я должен узнать, куда он их спрятал.

- Точно, - поддакнул Флинн.

- Мне срочно нужно в домой. - Мартан завозился с камзолом, застёгивая верхние пуговицы.

- Так сразу отправитесь и не посмотрите, что я вам приготовил? - Мартан замер на месте, так и не попав последней пуговицей в петлицу. - Настоящее сокровище. По красоте ничуть не уступает жемчугу на шее вашей бывшей невесты. А как нежна кожа!

Влажные пальцы коснулись кончиков волос принца, руки обвились вокруг его шеи, и из-за спины выскользнула стройная девушка с копной рыжих волос, небрежно собранных на затылке, в полупрозрачном платье на тоненьких бретельках, под которым совсем ничего не было. Одна бретелька игриво сползла с плеча, и девица маняще улыбнулась.

- Изволите? - услужливо поинтересовался Флинн, указывая рукой в сторону двери, ведущей в затемнённую комнату. - Заплатите сейчас, или записать вам в общий долг?

- Пиши-пиши, - промычал Мартан, хватая губами влажные, пахнущие розой губы рыжеволосой. - Только отстань и не жужжи над ухом хотя бы до утра.

- Приятно иметь дело с такими клиентами, - поклонился Флинн и, проводив взглядом Мартана и девицу в предназначенную исключительно для высоких особ спальню, довольно потёр руки.

- Штормовой замок там.

Старик махнул рукой в направлении длинной, уходящей высоко в горы дороги и принялся неуклюже слезать с лошади.

- Так скорее вперёд!

Кинув непонимающий взгляд на старика, Арлина прищипорила свою лошадь, но не тут-то было. Серая встала, как вкопанная, и только неистово ржала, стоило девушке сделать новую попытку сдвинуть её с места.

- Даже не пытайся, - пробубнил старик. - Они туда не пойдут. По этой дороге ни один зверь не ходит - все боятся волков Тайернака. По ней только лошади самого милорда бегают, на которых ездит либо он сам, либо слуги, провожая и встречая гостей. Мы не гости, и встречать нас некому. Придётся прямо до ворот плестись на своих двоих.

- Лошадь должна послушать, - упрямылась Арлина, продолжая настаивать и подгонять свою в направлении петляющей дороги.

- Угомонись, - старик придержал лошадь девушки за уздечку и провёл ладонью по морде, успокаивая, - и слезай, если не хочешь, чтобы она понесла, а потом скинула тебя головой вниз на камни. Рассечёшь висок - не моя вина.

Арлина послушалась. Как только оба башмака коснулись каменистой дороги, лошадь тут же дёрнулась и рванула назад, на ту размытую дождём тропинку, по которой ехали уже который день, а затем и дальше в лес к родному трактиру. За ней понеслась и вторая. Из вида они скрылись быстро, будто удирали не от мрачного горизонта, на котором виднелись лишь скалы и острые шпили тёмного замка, а от целой стаи голодных шакалов.

Полная камней, лишённая любой растительности, даже банальной травы, унылая дорога петляла и виляла, но упорно ползла вверх. Шаг за шагом дыхание Арлины становилось тяжелее, а силы таяли. И хорошо хоть тучи прогнали с неба солнце. Если бы и оно палило, то к сбитым в кровь ногам, царапинам на руках и синякам на коленках добавилось бы ещё головокружение.

Сколько шагов было сделано, Арлина не считала. Её гораздо больше волновало, сколько ещё осталось, потому что конца и края не было видно каменистой дороге-змейке. Давно уже потерялось из вида её начало, а шпили замка почему-то ближе не стали.

Еле дыша, девушка остановилась и присела на корточки. Можно было и на булыжник плюхнуться, что почти слился с серым песком, но Арлина заметила его слишком поздно. Подняла глаза к небу - только дождевые тучи кругом и каркающие вороны, кружащие над путниками, будто высматривающие, чем бы поживиться. Замком таинственного колдуна и не пахло.

Отчаявшись, Арлина схватила застывший по соседству камень, чтобы швырнуть его, куда подальше, но ничего из этого не вышло. Песочного цвета бугорок ожил, вытянул длинный хвост, ошетинился, раскрыл крохотную пасть, высунул длинный, раздвоенный на кончике язычок, чтобы попробовать им влажный воздух, и юркнул в колючий терновник.

- Хамелеон, - обронил старик, приблизившись к Арлине, - их тут полно, как и во всём мире.

- В Озёрном крае нет хамелеонов, - возразила девушка.

- Есть. Люди. Все, как этот хамелеон. Натянули кучу масок и забыли своё истинное лицо.

- Надо идти дальше. - Арлина поднялась, преодолевая боль в ногах, и двинулась вперёд.

- И прошу, ковыляй шустрее, а то век будем ползти.

- Я старый человек, ноги болят, спину ломит, да и к чему торопиться? - Сильная отдышка мешала старику говорить ровно. - Спешка, как известно, нужна только при ловле блох.

- Тебе, возможно, и не к чему. Ну, застукают тебя, прогневаешь хозяина во второй раз, а мне каждый миг дорог. Не хватало, чтобы какая-нибудь толстомясая окрутила моего Мартана, и её никчёмное имя вписали в королевскую книгу вместо моего звучного. Чем быстрее я заполучу эликсир, тем быстрее уйду из этого неприятного места и тем быстрее выйду замуж за любимого. И буду счастлива.

- Чему уж тут радоваться? Это только первые дни будете друг другу глазки строить и нежные весенние трели чирикать, а через месяц-другой драться начнёте.

- На себе что ль испытал?

- Нет ещё, но готовлюсь.

- Ах да, я и забыла. Ты же решил в молодые податься.

- Молодые - все дураки. Их бабы окрутят, осадят и сами всем командуют и всё в свои руки берут. Чем раньше начинают, тем меньше упускают. А я, чай, давно уже не молод.

- Низменно ты мыслишь.

- Здраво.

- Нет, низменно.

- Зато не так расчётливо, как ты.

- Я не виновата, что мне повезло отхватить именно принца. Да, признаюсь, я люблю блеск бриллиантов на тиаре в свете свечей, но кудри Мартана я тоже люблю, а ещё пирог с тыквой.

- Эх, беда с вами с молодёжью. Женитьба - это шаг серьёзный, тут надобно всё обстоятельно обдумать.

- То-то, я смотрю, ты в девятый раз с бабой сходишься. Прошлые разы обдумывал не обстоятельно?

- Я человек положительный, но с характером, и не виноват, что дамы все не те попадались.

- А какая тебе нужна?

- Домовитая, умная. Хочется, чтобы любила меня всей душой, а не из умысла какого за меня шла, как это сейчас модно.

- Ты на что намекаешь? Я за Мартана по любви иду.

- А он?

- Он тем более!

- Ну да, приданое твоё - сущий пустяк.

- Пустяк? Да знаешь ли ты, сколько отец даёт за меня? Ни у одной принцессы столько нет!

- Зато они принцессы, а ты... Стоп. Пришли.

Исполинские чёрные ворота выросли из ниоткуда. Арлина подняла голову и вздрогнула. Кованые прутья терновника переплелись, задевая друг друга такими же коваными и острыми иглами-шипами, и устремились пиками вверх, к низким дождевым тучам. Медные розы расцвели по бокам, а на самом верху застыли в полёте вороны, такие же страшные и смоляные, как и всё остальное. Смотришь на них, и кажется, что одна вот-вот сорвётся с места, махнёт крыльями, а потом повернёт в твою сторону голову и громко и пронзительно каркнет.

Замка на воротах не было, как не было и ручек. Вместо последних торчала серебристая волчья морда: глаза закрыты, а пасть намертво захлопнута.

- Никакой стражи, - прошептала бледная от страха Арлина, неуверенно оглядываясь по сторонам.

- Была раньше да пугалась хозяина больше, чем сторожила.

- А как мы войдём?

- Главное, чтобы ворота не скрипели.

Старик накрыл ладонью волчью морду и, слегка надавив, убрал руку. Глаза серебряного волка тут же открылись и засветились бледно-голубыми огоньками. Широко разинув пасть, волк обнажил острые сверкающие клыки, позыркал глазёнками из стороны в сторону, недобрым взглядом посверлил Арлину, и тяжёлые двери медленно отворились.

- Скорее, - старик подтолкнул девушку к проходу, - он долго ждать не будет.

И правда, стоило им обоим проскользнуть в тоненькую щель приоткрытых ворот, как те сразу начали закрываться. Волк лязгнул зубами, захлопнул пасть и, закрыв глаза, замер.

- Идём тихо, не шумим, - предостерег Арлину старик и заковылял по длинной аллее, вдоль которой росли деревья с чёрными листьями.

Ни красивых оградок, ни роскошных клумб с розами, мелкими гвоздиками и шапками голубых и белых гортензий, которыми богат королевский сад в Озёрном крае. Ни даже скамейки, чтобы присесть и почитать главу-другую романтической новеллы, а на деле же просто подышать цветочными ароматами и прикорнуть в тени столетних дубов. Даже пруда не было, в то время как каждый уважаемый дом в Атоле просто обязан был иметь два.

«И это лорд, - фыркнула про себя Арлина, - без пруда».

Но фыркай - не фыркай, а неприятный холодок шевелил не только грязные волосы на голове, но и щекотал спину, забравшись под тоненькие тунику и плащ. Всё вокруг дышало камнем и дождевой сыростью. Сколь ни мокр был Озёрный край, но солнечные дни в тех местах никто не отменял. В Смоляных горах же Арлина ещё ни разу не видела ни одного лучика. Зато свинцовых туч, готовых вот-вот разверзнуться и обрушить на голову холодный ливень, было хоть отбавляй.

Замок лорда Тайернака встретил путников величественным молчанием. От тысячелетнего камня отдавало мертвецким холодом. И даже лоза, выющаяся от земли до окон и украшенных балюстрадами балконов, не приносила ни капли жизни в бесцветный облик каменной крепости. Напротив, ползучее растение смотрелось искусственно и аляповато среди безжизненных плит, нагромодившихся друг на друга и вытягивающихся в острые башенные шпили, которые терялись в дождевых тучах.

- Мы войдем через центральный вход? - спросила Арлина, когда застыла перед ступеньками, ведущими наверх к украшенным затейливой резьбой массивным дверям.

- Так безопаснее, - шепнул старик. - Хозяина дома нет, а, значит, вся прислуга на кухне или заднем дворе. В парадных залах никого, и если не будем шуметь, то проскользнем незаметно.

- Очень надеюсь, ты знаешь, что делаешь. - Арлину трясло от страха.

Высокие двери открылись бесшумно.

Длинный холл, пол которого был выложен холодным мрамором, встретил неожиданных гостей таинственным полумраком и идеальной тишиной. Столь пронзительной, что заскребись в миле отсюда мышь, и то слышно было бы.

Свет уже давно не царствовал в этих стенах: окна были наглухо зашторены, а воткнутые в стены факела - потушены. Каждый шаг, сколь осторожно ни ступала Арлина, отдавал многократным эхом, уносившимся вверх к арочным сводам, где прятался среди темноты и крепкой паутины. Колонны по левую руку девушки чередовались с серыми пьедесталами высотой с взрослого человека. На скучных, ничем не украшенных постаментах не было ни ваз с цветами, ни изящных скульптур, а только статуи уродливых существ, больше напоминающих летучих мышей, но с такими страшными мордами, что Арлина не выдержала и зажмурилась. А когда открыла глаза, то чуть не оказалась нос к носу с одним таким крылатым уродцем с огромными оттопыренными ушами, расплюснутым носом и клыками в пол пасти. Впившись длинными острыми когтями в постамент, чудовище, как нарочно, свесило голову так, что пройти прямо можно было, только пригнувшись.

Чуть подавшись в сторону, Арлина осторожно обошла омерзительную скульптуру и бросилась догонять старика, далеко ушедшего вперёд. Поравнявшись с ним, девушка вжала голову в плечи и покорно ступала чуть ли ни нога в ногу со старикашкой, не решаясь оборачиваться.

А тем временем за её спиной крылатое создание повело носом, вдыхая спёртый воздух, и оторвало лапу от пьедестала, распрямляя застывшие когти. Глаза вспыхнули и засветились недобрым синеватым светом, а голова тихо скрипнула и повернулась в сторону удаляющихся гостей. Облизнув клыки, горгулья хищно оскалилась и распрямила крылья. И как по команде ожили все другие статуи, до сего момента являвшие собой только мёртвый камень, посмотрели вслед старику и девушке, уже заворачивающим за угол, и противно захихикали.

- Западное крыло, - обронил старик, остановившись у закрытых дверей. - Кабинет лорда Тайернака. Мы войдём внутрь, и я открою потайную дверь, ведущую в кладовую, где хранятся волшебные зелья. Запомни, ничего здесь не трогай!

Арлина сглотнула.

- Я поняла, - выдавила она, на цыпочках последовала за стариком и тут же шаркнула рукой по напольной вазе, из которой любопытным сусликом, выглядывающим из зарослей болотной осоки, торчал сушёный камыш.

- Тихо, - старик бросил недовольный косой взгляд на девушку. - Камыш чуть не перевернула.

- Я случайно. Твой хозяин расставил тут...

- Замри и стой на месте. Так спокойнее будет. Ещё не хватало, чтобы нас застукали.

Арлина предпочла не перечить, застыла там, где приказали, и завертела головой по сторонам, осматриваясь.

Кабинет, служивший одновременно библиотекой, был большим и просторным, но, в отличие от холодного мраморного холла, здесь было тепло и уютно. Пол был устлан толстыми коврами, полными пыли, а потому, как глянешь на них, так и хочется чихать и чихать. Арлина зажала нос двумя пальцами, чтобы ненароком не нарваться на новый гнев старика.

Справа - камин, два мягких кресла в серых тонах с бордовыми подушками и низкий столик из красного ореха, весь заваленный солидными томами в богатых переплетах. «Яды Чаролесья», «Крылатые существа Каменного утёса», «Котлы и зелья: сборник простых рецептов» - Арлина лишь скользнула взглядом по ветхим корешкам, чтобы сразу убедиться, хозяин кабинета был непростым человеком. Некоторые книги были сложены стопкой; другие лежали открытыми. Видимо, лорд Тайернак начал читать, а затем сорвался с места, даже не удосужившись закрыть ценный фолиант.

Немного поодаль, ближе к окнам, стоял стол, идеальный порядок на поверхности которого сильно контрастировал с рабочим хаосом на столике у камина: стопка пожелтевшей бумаги - у одного края, по центру - перо с чернилами и пресс-папье в виде головы чёрной горгульи.

Скучая, Арлина в который раз пролетела взглядом по комнате. Книги, книги, книги... Там, где не повесили портрет или гобелен, тоже книги. На полках, на полу у кресел, в шкафах в высоту до потолка, растянувшихся от одной стены до другой - повсюду только книги.

А ещё небольшая, на первый взгляд неприметная, высотой с карлика, дверца в углу, завешанная тёмным полотнищем. Именно у этой дверцы и копошился старик с огромной связкой ключей в руке, которую он вытащил откуда-то из-за камина.

- Эх, опять не тот, - бормотал старик, гремя связкой и подбирая нужный ключ. - Этот слишком короткий. На том две зазубрины вместо трёх.

- А нельзя ли поскорее? - в голосе Арлины звучало волнение.

Едва переступив порог замка, её не покидала навязчивая мысль, что за ней постоянно наблюдают. Будто сверлят изучающим взглядом, но куда ни погляди - ничьих глаз не видно. И если буквально несколько ударов сердца назад это чувство слежки чуточку притупилось, то сейчас загло с такой силой, словно дров в камин подбросили, и все они разом вспыхнули. Но кто мог за ней следить? Арлина опасливо заозиралась по сторонам. Не портреты же на стенах.

- Не мешай, - проворчал старик, полностью поглощённый подбором ключа. - Кажется, нашёл. Три зазубрины, длина с полтора указательных пальца и серебряная капля на меди. Попробуем.

Сунув ключ в замочную скважину, он повернул его два раза и потянул на себя дверцу. Та скрипнула и отворилась. Изнутри потянуло сыростью и гнилью. Старик поманил к себе Арлину.

- Теперь сто ступенек вверх по винтовой лестнице. Осторожно, пригни голову, в некоторых местах могут спать летучие мыши. И руками не размахивай - много паутины и пауков кусачих.

Сердце громко билось, руки опять стали холоднее льда, а ноги еле волочились. Шершавый камень на стенах неприятно покалывал пальцы. Пару раз Арлина нарвалась на что-то липкое и склизкое и, подталкиваемая жутким отвращением, быстро одёрнула руку. Разглядеть в кромешной тьме, был ли то червяк или что пострашнее, не представлялось возможным. Да и Арлина предпочла побыстрее об этом забыть. Лучше внимательно нащупывать краем башмака следующую ступеньку, чтобы ненароком не оступиться и не полететь кубарём вниз, чем забивать голову мыслями о поганных насекомых.

Расстояние в сто ступенек показалось Арлине вечностью. И когда впереди забрезжил тоненькими полосками свет, идущий из-под щели неказистой двери, Арлина перевела дыхание, успокаиваясь, и рванула вперёд, чтобы скорее выпрыгнуть из каменной темницы в светлую комнату. Но не тут-то было.

Ветхая, перекошенная дверь даже не скрипнула, стоило Арлине со всей силы пнуть её, а затем со всего размаха приложиться плечом. Недоумевая, девушка уставилась на дверцу, как на диковинное существо: замка нет, отверстия, куда совать ключ, тоже. Сама дверь еле дышит и вот-вот свалится с петель. Тогда в чём дело?

- Проще надо, - сказал старик, коснулся двери мизинцем и легонько толкнул от себя. Та без сопротивления поддалась и пропустила путников внутрь небольшой кладовки.

Здесь не было ничего, кроме шкафов и ещё раз шкафов, каждый из которых насчитывал больше десятка полок. А на полках за стеклянными дверцами стояли банки, пузырьки, склянки, бутылки, чаши, корзинки, шкатулки, и даже лежали маленькие мешочки, перевязанные льняными верёвками - в таких деревенские жители обычно хранят сушёные травы. Запахи в каморке дурманили и кружили голову: можно было учуять и сонную нежность лаванды, и бодрящий лимонник, и дразнящую ваниль. Вокруг было тихо и тепло, и только дождь начинал накапывать за окном и еле слышно барабанил по черепице.

- Вот он. - Старик аккуратно снял с полки небольшую склянку и поднёс к глазам, внимательно разглядывая. - Стоит, как и положено, в аккурат между лиловым раствором фиалки и мутным огуречным рассолом. Эликсир жизни, прозрачный, как слеза.

- Давай. - Арлина протянула руку, торопясь схватить невзрачную бутылочку, закупоренную обычной пробкой.

- Сначала деньги. - Старик попридержал склянку.

- Конечно.

Волнуясь, Арлина не с первого раза попала негнушимися пальцами в мешочек на поясе, но, когда получилось, застыла на мгновение с каменным выражением лица, а затем громко охнула.

- Что такое? - встрепенулся старик, нахмутив брови.

- Золото, - пролепетала девушка.

- Я знаю, что у тебя там золото. Так давай его скорее, и уходим отсюда.

- Его нет, - всё тем же лепетом продолжала Арлина. - Я его, кажется, потеряла.

И в доказательство своих слов, девушка сняла с пояса мешочек и перевернула его отверстием вниз, вытряхивая. На каменный пол не упало ни одной монетки.

- Нет золота - нет и эликсира, - отрезал старик и разжал пальцы.

Тончайшее стекло разлетелось по полу хрустальными брызгами, а вместе с ним по камню разлилась прозрачная жидкость, которая тут же убежала по многочисленным трещинам вниз в неизвестном направлении.

Арлина закрыла рот руками, чтобы заглушить крик отчаяния.

- Что ты сделал? Я заплатила бы тебе по возвращении в Атоль. Заплатила бы в два, три, пять раз больше!

- Я не люблю пересматривать условия договора.

Арлина рухнула на пол и зарыдала.

- Ты разрушил всё, - всхлипывая, выдавила она. - Мою мечту, мою любовь, моё счастье. Ты - бездушная, бесчеловечная скотина!

- Я несколько раз спасал тебе жизнь. Я спас твою честь, если ты и об этом забыла. А что делала ты? Всю дорогу насмеялась надо мной? Да, на мне нет красивых одежд, я безобразен и уродлив, но я был твоим единственным ключом к спасению женишка. А ты меня беспрестанно унижала. Я терпел, потому что у нас был уговор: я веду тебя сюда, а ты мне платишь. Но ты и сейчас поступаешь так, как хочется тебе, не думая ни о ком вокруг.

- Я думаю о Мартане, - сквозь рыдания выдавила девушка.

Старик поджал губы, отвернулся к окну и замолчал. Дождь на улице усилился, и лужи растекались по земле, переливались друг в друга, топили пустые цветочные кадки, заливали ямы и деревья. Всё вокруг было серо и уныло, куда ни брось взгляд.

Когда всхлипывания за спиной стали реже и менее громки, старик развернулся, прошаркал к размазывающей по лицу слёзы Арлине, протянул ей руку и милостиво произнёс:

- Если тебе так нужен эликсир, то есть один способ, как его можно получить. Поднимайся и следуй за мной. Идти придётся долго. Триста ступеней вверх и все в крошечной темноте.

- Куда мы пойдем? - встрепелась Арлина, вскакивая с пола.

- В Ледяную башню. Самая высокая башня в замке. Кого попало там не бывает. Только самое близкое окружение лорда Тайернака.

- Там настолько холодно?

- Снег на шпигеле башни никогда не тает, оттого и прозвали ледяной.

Старик вышел из каморки на винтовую лестницу и вопросительно посмотрел на Арлину.

- Ты идёшь?

С каждым новым поворотом подниматься становилось труднее. И не столько потому, что ноги устали, сколько от того, что воздуха катастрофически не хватало, и дышать было крайне тяжело. Задышавшись и обливаясь потом, Арлина терпела и заставляла себя сделать ещё и ещё один шаг. Сколько было пройдено и сколько осталось - она и вообразить не могла. В голове всё смешалось, и лишь разбитая склянка с разливающимся по полу эликсиром предстала перед глазами, терзая душу.

Ни позади, ни впереди ничего не было видно - вокруг только крошечная тьма. А ещё сопение старика, медленно шагающего впереди, и стук усталых сердец: одного, двух... трёх? Сердце Арлины дрогнуло и упало куда-то в район левой пятки.

- Здесь кто-то есть, - прошептала она, но в каменной тишине шёпот был подобен крику.

- Здесь все свои, чужих нет, - ответили ей. Был ли то голос старика, Арлина не смогла понять. Привычное старческое карканье на последних словах сошло на нет.

- Я уверена, здесь есть кто-то ещё. Хоть бы искру света, ты бы убедился...

Лёгкая голубовато-белая вспышка заставила Арлину зажмуриться и прикрыть глаза ладонью. Чутко поморгав, девушка отвела руку и огляделась. Впереди и позади - каменные ступени, по бокам - неровные стены, местами покрытые паутиной. А впереди старик, согбенный и ссутуленный, в накинутах на плечи плаще, уверенно карабкающийся по ступенькам и опирающийся на деревянную палку. Вот только с палкой творилось что-то неладное.

От лишённой жизни, сухого дерева, только чудом не треснувшего после всех тех событий, свидетелем которых Арлина была последние дни, шло удивительное алмазно-голубое сияние. Так сверкает снег на рассвете сумерек, воздушный и недавно выпавший. Так светились глаза волка, открывшего ворота в замок. Так сияла сейчас и старая деревяшка, которую и выки-

нужно было не жалко или, по крайней мере, пустить на дрова для розжига живительного костра. Но если бы только свет был причиной изумления Арлины.

Неприметная до сей поры палка менялась прямо на глазах. Кривая и нескладная, она росла и выпрямлялась, превращаясь в гладкую элегантную трость из белого дерева с серебряным набалдашником, достаточно крупным и... ушастым.

Арлина вскрикнула, когда набалдашник повернулся, и на девушку уставилась морда уродливой горгульи. Прищуренные глаза ярко сверкнули, освещая всё вокруг. Горгулья разинула пасть, демонстрируя алмазные клыки, и, дразня Арлину, высунула язык. А затем тут же развернулась обратно и продолжила взглядом освещать дорогу вперёд.

Окончательно ушедшее в пятки сердце Арлины еле слышно отозвалось из своего убежища, давая понять, что всё происходящее случается наяву, сколь бы пугающим и странным оно ни было.

Ступени заканчивались, и голубой свет выхватил из темноты массивные двери, которые отворились сами собой - старик их даже не коснулся. Отворились медленно и с тем ужасным скрипом, какой бывает только в темницах или в сказочных башнях злых колдунов, чахнувших над зельем и плюющих ядом.

Старик переступил порог, огляделся, довольно хмыкнул, снял с себя грязный плащ и протянул его непонятно откуда взявшемуся слуге. Тот принял плащ, учтиво поклонился и исчез в просторах комнаты, уступив место другому: пониже ростом и поважнее видом. О важности последнего говорили, прежде всего, его закрученные кверху усы и пенсне на носу.

- С возвращением, лорд Тай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.